

ISSN 2658-7041

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

ISSUES OF ETHNOPOLITICS

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

3
2020

ISSUES OF ETHNOPOLITICS
Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Journal “Issues of Ethnopolitics” is included in the Russian Science Citation Index

Objectives and field of study

“Issues of Ethnopolitics” is a peer reviewed journal dedicated to current theoretical and practical problems of ethnopolitics. The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research in the field of the study of ethnopolitical and ethnocultural processes. The main focus of the publication is scientific articles devoted to research in the field of ethnopolitology and ethnosociology, nation-building, political linguistics, ethnoconflictology, migration processes, and ethnocultural diversity of Russia. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of a complex of theoretical, scientific and practical problems of the implementation of the state national policy. The journal accepts original articles for publication, comprehensive studies of Russian and foreign authors, previously unpublished research reports.

Journal is registered by Federal Service for Supervision
of Communications Information Technology and Mass Media
23.11.2018, reg. No. FS77-74388

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

Tel: + 7 495 250 67 44

E-mail: ethnopolitic@rggu.ru

Website: <http://ethnopolitics-journal.ru>

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал «Вопросы этнополитики» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Цели и область

«Вопросы этнополитики» – рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам этнополитики. Цель журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований в области изучения этнополитических и этнокультурных процессов. Основная направленность издания – научные статьи, посвященные исследованиям в области этнополитологии, этносоциологии, нациестроительства, политической лингвистики, этноконфликтологии, миграционных процессов, этнокультурного многообразия России. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем реализации государственной национальной политики. Редакция журнала принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 23.11.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-74388 от 23.11.2018

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: + 7 495 250 67 44

Электронная почта: ethnopolitic@rggu.ru

Сайт: <http://ethnopolitics-journal.ru>

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

M.A. Omarov, Dr. of Sci. (Politics), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

N.M. Gadzhimuradova, Cand. of Sci. (Politics), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

A.I. Masalovich, Cand. of Sci. (Physico-Mathematics), Inforus Consortium, Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

O.Yu. Roldugina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Editorial Council

M.M. Magomedov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Deputy Chief of Staff of the Presidential Executive Office, Moscow, Russian Federation

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Melnichenko, Cand. of Sci. (History), Chairman of the Federation Council Committee on Federal Structure, Regional Policy, Local Government and Northern Affairs, Moscow, Russian Federation

I.I. Gilmutdinov, First Deputy Chairman of the State Duma Committee on Issues of Nationalities, Moscow, Russian Federation

T.V. Vagina, Head of the National Policy Department of the Internal Politics Office of Russian President Administration, Moscow, Russian Federation

V.I. Suchkov, Head of the Moscow city Committee on Interregional Relations and Nationalities Policy, Moscow, Russian Federation

V.A. Avksentev, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Chief Researcher, Federal Research Center "Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Rostov-on-Don, Russian Federation

V.A. Achkasov, Dr. of Sci. (Politics), professor, Head of the Department of Ethnopolitology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

A.G. Bolshakov, Dr. of Sci. (Politics), professor, Head of the Department of Conflict Resolution Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

- L.M. Drobizheva*, Dr. of Sci. (History), professor, Head of the Center for Inter-ethnic Relations Studies, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.Y. Zorin*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Chief Researcher, Head of the Center for Scientific Interaction with Public Organizations, the Media and Authorities, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.I. Kovalenko*, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Head of the Department of Russian Policy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- M.Yu. Martynova*, Dr. of Sci. (History), professor, Head of the Center for European Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.A. Mikhailov*, Dr. of Sci. (History), professor, Head of the Department of National and Federal Relations, the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
- N.M. Mukharyamov*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Law, the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation
- O.V. Pavlenko*, Cand. of Sci. (History), professor, Vice-Rector for Scientific Affairs at the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- Yu.P. Shabaev*, Dr. of Sci. (History), professor, Head of the Ethnography Sector, the Institute of Komi Language, Literature and History, Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation
- O.F. Shabrov*, Doctor of Sci. (Politics), professor, Head of the Department of Russian Policy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Executive editor

O.Yu. Roldugina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

М.А. Омаров, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Н.М. Гаджимурадова, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.И. Масалович, кандидат физико-математических наук, Консорциум «Инфорус», Москва, Российская Федерация (*первый заместитель главного редактора*)

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Редакционный совет

М.М. Магомедов, доктор экономических наук, профессор, Администрация Президента РФ, Москва, Российская Федерация

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Мельниченко, кандидат исторических наук, Комитет Совета Федерации ФС РФ по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, Москва, Российская Федерация

И.И. Гильмутдинов, Комитет Государственной думы ФС РФ по делам национальностей, Москва, Российская Федерация

Т.В. Вагина, Департамент национальной политики Управления Президента РФ по внутренней политике, Москва, Российская Федерация

В.И. Сучков, Департамент национальной политики и межрегиональных связей, Москва, Российская Федерация

В.А. Авксентьев, доктор философских наук, профессор, Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В.А. Ачкасов, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

- А.Г. Большаков*, доктор политических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Российская Федерация
- Л.М. Дробизева*, доктор исторических наук, профессор, Институт социологии Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Российская Федерация
- В.Ю. Зорин*, доктор политических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.И. Коваленко*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ю. Мартынова*, доктор исторических наук, профессор, Центр европейских исследований Института этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.А. Михайлов*, доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация
- Н.М. Мухарьямов*, доктор политических наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет (КГЭУ), Казань, Российская Федерация
- О.В. Павленко*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.П. Шабаев*, доктор исторических наук, профессор, Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения Российской академии наук (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкар, Российская Федерация
- О.Ф. Шабров*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент (РГГУ)

Contents

Nation building and Regional Ethnopolitics

Olga V. Tsvetkova

Theoretical foundations of the formation
of the socio-political concept of “Nation-building” in Modern Russia 10

Migration policy

Alan L. Abaev, Vladimir N. Kryuchkov, Anna A. Chub

Development of effective territories brands
with using migration flows econophysical models 20

Yulia A. Andreeva, Arbakhan K. Magomedov, Magomed A. Omarov

Critical analysis of the experience of research on migration processes
in the Regions of the Russian Arctic and subarctic 33

Natalia G. Dekhanova

Law enforcement practice in the EU
in the field of labor migration 50

Leonid A. Kononov

Development of theoretical provisions on counteracting
the enclave way of life of migrants in the Russian Federation 59

Maria A. Kosteeva

Organized recruitment technology as a tool to facilitate
adaptation of labor migrants from Central Asia 70

Victoria Yu. Ledeneva

Conflict-related factors of migration: the specifics
of the Far Eastern Federal District 80

Ekaterina S. Melnichuk

Attitude to migrants in the context of the state of interethnic relations 91

Содержание

Нациестроительство и региональная этнополитика

- Ольга В. Цветкова*
Теоретические основы формирования социально-политической
концепции нациестроительства в современной России 10

Миграционная политика

- Алан Л. Абаев, Владимир Н. Крючков, Анна А. Чуб*
Разработка эффективных брендов территорий
с применением экономико-физических моделей миграционных потоков 20

- Юлия В. Андреева, Арбахан К. Магомедов, Магомед А. Омаров*
Критический анализ опыта исследований миграционных процессов
в регионах российской Арктики и субарктики 33

- Наталья Г. Деханова*
Правоприменительная практика в ЕС в сфере трудовой миграции 50

- Леонид А. Кононов*
Развитие теоретических положений о противодействии
анклавному образу жизни мигрантов в Российской Федерации 59

- Мария А. Костеева*
Технология организованного набора как инструмент
содействия адаптации трудовых мигрантов из стран Средней Азии 70

- Виктория Ю. Леденева*
Конфликтогенные факторы миграции:
специфика Дальневосточного федерального округа 80

- Екатерина С. Мельничук*
Отношение к мигрантам в контексте
состояния межнациональных отношений 91

Нациестроительство и региональная этнополитика

УДК 323.1

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-10-19

Теоретические основы формирования социально-политической концепции нациестроительства в современной России

Ольга В. Цветкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, tsvetkovaov@mail.ru*

Аннотация. Целью исследования является разработка концепции нациестроительства как социально-политического проекта, адекватного отечественным этносоциокультурным традициям, направленного на повышение национальной безопасности и укрепление политической стабильности всего российского многонационального общества в условиях формирования новых вызовов.

Научная новизна исследования заключается в концептуальном обобщении новых проблем, вызовов и рисков построения концепции нациестроительства, которые требуют фундаментального теоретического осмысления в рамках отечественной этнополитической науки.

В статье используется междисциплинарная методология при разработке социально-политической концепции нациестроительства. Использование социокультурного анализа позволило адаптировать ее к российским политическим традициям и ценностям. Компаративный политический анализ помог сравнить отечественные и зарубежные подходы к формированию нациестроительства. Системный метод раскрыл, из каких структурных элементов состоит государственная политика нациестроительства в России.

Результатом исследования является предложенная социально-политическая концепция, которая зависит от роли государства и вызовов современности в российском этнополитическом процессе и формировании гражданской нации.

Ключевые слова: нация, нациестроительство, межнациональные отношения, национальная политика, гражданская нация, национальная идея.

Для цитирования: Цветкова О.В. Теоретические основы формирования социально-политической концепции нациестроительства в современной России // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 10–19. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-10-19

Theoretical foundations of the formation of the socio-political concept of “Nation-building” in Modern Russia

Olga V. Tsvetkova

*Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russia,
tsvetkovaov@mail.ru*

Abstract. The aim of the study is to develop the concept of “nation-building” as a socio-political project that is adequate to the national ethno-socio-cultural traditions, aimed at improving national security and strengthening the political stability of the entire Russian multinational society in the face of new challenges.

The scientific novelty of the research lies in the conceptual generalization of new problems, challenges and risks of constructing the concept of “nation-building”, which require fundamental theoretical understanding within the framework of domestic ethnopolitical science.

The article uses an interdisciplinary methodology in the development of the socio-political concept of “nation-building”. The use of socio-cultural analysis made it possible to adapt the concept of “nation-building” to Russian political traditions and values. Comparative political analysis allowed us to compare domestic and foreign approaches to the formation of nation-building. The systematic method revealed the structural elements of the state policy of nation-building in Russia.

The result of the research is the proposed socio-political concept, which depends on the role of the state and the challenges of modernity in the Russian ethno-political process and the formation of a civil nation.

Keywords: nation, nation-building, interethnic relations, national policy, civil nation, national idea.

For citation: Tsvetkova, O.V. (2020), “Theoretical foundations of the formation of the socio-political concept of ‘Nation-building’ in Modern Russia”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 10–19, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-10-19

В условиях усиления глобальных интеграционных процессов усиливается потребность в формировании в России гражданской нации как наиболее оптимальной формулы нациестроительства для современного российского государства с его многоэтничностью, поликонфессиональностью, огромной территорией и все возрастающей внешней миграцией. Для дальнейшего развития российской политической науки в настоящее время разработка этих проблем имеет ключевое фундаментальное значение, поскольку стабильность государства зависит от упрочения общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); сохранения и развития этнокультурного многообразия народов России; гармонизации национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; обеспечения равенства прав и свобод человека и гражданина незави-

симо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов. Именно такой фундаментальный научный анализ и синтез проблем многонационального российского общества поможет разработать в отечественной политической науке оригинальную социально-политическую концепцию нациестроительства, направленную на решение стоящих перед страной актуальных задач.

На сегодняшний день перед обществом стоит ряд глобальных задач, связанных с государственной политикой нациестроительства в современной России. Прежде всего, противодействие пандемии, техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства.

Анализ исследований в области нациестроительства на современном этапе

В предметном поле исследования выделим ряд направлений российских и зарубежных ученых, которые затрагивают проблему межнациональных отношений и нациестроительства.

В зарубежной литературе построение концепции “nation building” в одних случаях связано с формированием нации, созданием государства [James 1996] и формированием у населения чувства национальной идентичности [Bell and Freeman, eds. 1974], в других – с построением национальной идентичности с использованием силы государства [Nation Building in Comparative Contexts 1966]. За рубежом на сегодняшний день опубликован огромный массив книг и статей по вопросам нациестроительства, издается целый ряд международных междисциплинарных журналов: Ethnicities; International Journal of Minority and Group Right; Nations and Nationalism; Ethnic and Racial Studies; Journal of Ethnic and Migration Studies; Journal of Multicultural Society.

В России разработка концепции нациестроительства началась в 1990-е годы в ответ на вызовы времени, связанные с необходимостью формирования основ нациестроительства в первый обозначенный период в условиях перехода России к новым условиям ведения хозяйства – рыночным отношениям. Все начинания нашли отражение в принятом государственном документе 1996 г. – Концепции государственной национальной политики Российской Федерации¹.

Первые научные исследования концепции нациестроительства были сделаны российским историком, этнологом и социальным антропологом В.А. Тишковым [Тишков 2010].

¹Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 г. № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571>, свободный. загл. с экрана (дата обращения 10.02.2020).

Теоретические трудности, связанные с изучением проектов нациестроительства в России, связаны с тем, что в научной литературе существуют различные представления о том, что такое нациестроительство, или nation building [Репьева 2013]. Одни исследователи полагают, что нациестроительство – это «соединение людей множеством взаимных связей и обязательств» [Кара-Мурза, Куропаткина 2014].

Другие предлагают различные проекты конструирования такой нации с учетом советского прошлого или неоимперского будущего [Багдасарян 2014] и российской цивилизационной специфики [Лубский 2014].

В начале XXI в. в рамках идеи о российском многонациональном народе как единой нации был предложен новый проект нациестроительства, направленный на формирование российской нации одновременно как нации политической и гражданской при сохранении культурного многообразия народов России [Этническое и религиозное многообразие России 2018]. В последние годы о социально-политических проблемах нациестроительства, гражданской и национальной идентичности, национальной политике пишут отечественные политологи, философы и социологи: В.А. Тишков, Л.М. Дробижева, В.Ю. Зорин, М.А. Омаров, О.В. Цветкова и др. [Дробижева 2018; Зорин 2019].

Значительное количество работ раскрывают проблемы государственной национальной политики и формирования теоретической и практической базы для изучения этнополитических феноменов [Зорин, Аствацатурова 2018].

Проекты формирования гражданской нации и единой российской нации оказались нереализованными, а в России сложилась политическая нация – специфическая государственно-гражданская идентичность и реализуется модель национальной интеграции, основу которой составляет принцип «одна нация – много этнических культур». Однако доминирующая в российском обществе национальная идентичность оказалась недостаточной для преодоления дезинтеграционного потенциала межэтнических и межконфессиональных противоречий. В связи с этим возникла потребность в новых проектах нациестроительства, одним из которых может стать формирование трансэтнической нации-цивилизации и конструирование национально-цивилизационной идентичности как основы консолидации российского общества [Лубский, Посухова 2016].

Однако в отечественной политической науке пока еще очень мало теоретико-методологических исследований, в которых фундаментально были бы разработаны социально-политические аспекты концепции нациестроительства. Отечественным этнополитологам еще только предстоит разработать социально-политический проект нациестроительства, адекватный российским социокультурным традициям. Таким образом, анализ научной литературы показывает, что в последние годы проблемы нациестроительства разрабатывают ученые самых разных направлений, в особенности политические деятели, социологи и этнополитологи [Бахлова, Бахлов 2019].

Концептуализация государственной политики нациестроительства в современной России

Государственная политика нациестроительства представляет собой комплексную деятельность органов федеральной и региональной власти по закреплению и обогащению положительных тенденций, сложившихся естественно-историческим путем, стимулированию чувства единства, общности своих граждан (и соотечественников – в более широком смысле).

К элементам концептуализации государственной политики нациестроительства России следует отнести: 1) факторы нациестроительства; 2) сферы государственной политики нациестроительства; 3) нормативную базу государственной политики нациестроительства; 4) технологии по реализации государственной политики нациестроительства 5) методы продвижения государственной политики нациестроительства.

Рассмотрим *факторы нациестроительства* как первичный элемент построения концепции. К факторам относят: социокультурные ценности (язык, религия, культура); социальную и экономическую обстановку; историческую память; идеологию.

Сферы государственной политики нациестроительства: государственная национальная политика; государственная политика в сфере образования; государственная региональная политика; государственная политика в сфере культуры; государственная политика памяти; государственная молодежная политика; государственная социальная политика; государственная политика в научной сфере.

Нормативная база государственной политики нациестроительства. Основы нациестроительства были заложены в 2012 г. с принятием Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Целью этой Стратегии является, с одной стороны, «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)», с другой – сохранение и развитие «этнокультурного многообразия народов России»².

В основу федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» также был положен принцип единства российской нации и этнокультурного многообразия народов³.

Первоначальные правовые основы нациестроительства представлены в ряде нормативных документов и актов: Стратегия государ-

²Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.text.document.kremlin.ru/SESSION/PDA/linkProxy?subjectId70284810link6553> (дата обращения 10.02.2020).

³Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.government.ru/docs/4022> (дата обращения 10.02.2020).

ственной национальной политики РФ на период до 2025 г.; Национальная доктрина образования в Российской Федерации на период до 2025 г.; Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2014–2020 гг.); Указ Президента РФ В.В. Путина от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.».

Нормативная база в сфере государственной политики нацестроительства видоизменилась, этот процесс связан с поправками в Конституцию Российской Федерации.

15 января 2020 г. Президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному собранию объявил о конституционной реформе, которая серьезно изменила государственную систему России. Поправки к Конституции РФ определили полномочия Государственного совета, подчинила ранее независимую судебную власть Совету Федерации, а также изменила статус местного самоуправления.

4 июля 2020 г. в соответствии с Указом Президента РФ В.В. Путина вступили в силу принятые в ходе всенародного голосования 1 июля 2020 г. поправки к Конституции 1993 г. Рассмотрим поправки, касающиеся построения государственной политики нацестроительства в Российской Федерации.

В Конституции появилось новое положение, в соответствии с которым в статью 68 включена следующая формулировка: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Как ясно из поправки, государствообразующим народом является не вся совокупность народов, живущих в России, а лишь один из них, язык которого – русский. Поправками устанавливается статус русского языка как языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. При этом сохраняется право республик устанавливать свои государственные языки, которые в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. В этой же статье говорится, что культура в России является уникальным наследием ее многонационального народа, она поддерживается и охраняется государством.

В статью 69 внесены следующие поправки: в качестве незыблемых приоритетов российского государства объявляется защита культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации. Конституция гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия, соблюдение и защиту особых прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

В целом экспертные оценки демонстрируют осознание сохраняющегося преобладания «верхушечных» проявлений в плоскости нациестроительства, недостаточности его нормативного и инструментального обеспечения. Устранение этих недостатков может быть некоторым образом компенсировано работой парламентских институтов. Активизация диалога между законодательной и исполнительной властями может стать одним из определяющих механизмов продвижения государственной политики нациестроительства. Здесь имеется в виду активное участие не только федерального правительства, но также отдельных министерств и ведомств в его структуре. В исследуемом контексте ключевыми являются: Министерство культуры, Министерство науки и высшего образования, Министерство просвещения, Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики.

На современном этапе выработался целый ряд *технологий по реализации государственной политики нациестроительства в России*.

Данные технологии представляют собой:

- внедрение и реализацию социокультурных программ в образовательный процесс учебных заведений;
- проекты, направленные на формирование патриотических идей;
- политику памяти и формирование образов прошлого в историческом сознании российского народа («Места памяти», массовое шествие «Бессмертный полк», идея памяти о героях Великой Отечественной войны);
- организацию форумов по вопросам национальной политики (VII Всероссийский форум национального единства, Всероссийский фестиваль национальных культур «Радуга России»);
- проведение экспертных встреч по вопросам государственной национальной политики, где активисты национальных общественных объединений и представители власти обсуждают проблемы межнациональных отношений;
- практические методы реализации государственной национальной политики, наработанные в субъектах РФ;
- проведение дней исторического и культурного наследия, мероприятий по патриотическому воспитанию граждан (День России, День Конституции, День народного единства);
- памятные дни и дни воинской славы;
- формирование странового имиджа и бренда;
- создание фонда «Русский мир» и проведение грантовой политики;
- продвижение национального бренда «Сделано в России» при поддержке проекта Фонда «Росконгресс».

Методы продвижения государственной политики нациестроительства в России:

- оформление национальной идеи (идеологии);
- обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации;
- продвижение политики памяти;

- проведение эффективной государственной политики регионального развития;
- развитие демократических институтов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Социально-политическая концепция нациестроительства представляет собой процесс становления национальных идей и социокультурных ценностей с сохранением культурного многообразия народов России.

Для реализации основных идей нациестроительства необходимо артикулировать призывы к воспитанию, подготовке национальной патриотической элиты на уровне субъектов РФ [Дробижева 2019].

Формирование основ нациестроительства происходит на основе общих ценностей, патриотического сознания и воспитания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины (переживания, борьба с несправедливостью, восстановление исторической правды) без потери связи со своими этническими корнями.

В заключение отметим, основная идея проведения и реализации политики “nation-building” заключается в сохранении и укреплении единого неделимого государства – Российской Федерации. Огромная роль в формировании государственной политики нациестроительства принадлежит государственным программам по реализации социокультурных образцов настоящего и культурной памяти, поскольку они транслируют и передают новым поколениям историю, язык, народную традицию, ценности и смыслы [Nation Building in Comparative Contexts 1966].

Литература

- Багдасарян 2014 – *Багдасарян В.Э.* Нациестроительство или империстроительство: развилка подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. № 1 (33). Т. 7. С. 47–50.
- Бахлова, Бахлов 2019 – *Бахлова О.В., Бахлов И.В.* Государственная политика нациестроительства в России: содержание, институты и механизмы // Регионоведение. 2019. Т. 27. № 3. С. 413–435.
- Дробижева 2018 – *Дробижева Л.М.* Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации политэтнического общества // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. 2-е изд., доп. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 107–119.
- Дробижева 2019 – *Дробижева Л.М.* Стратегия государственной национальной политики о российской гражданской идентичности и реализация ее в полиэтнических регионах Российской Федерации // Единство. Гражданственность. Патриотизм: Сб. научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Уфа: Мир печати, 2019. С. 4–8.
- Зорин 2019 – *Зорин В.Ю.* Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник российской нации. 2019. № 2. С. 9–34.
- Зорин, Аствацатурова 2018 – *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональный

- и инфраструктурный аспекты // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2018. 57 с.
- Кара-Мурза, Куропаткина 2014 – *Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В.* Нацестроительство в современной России. М.: Алгоритм; Научный эксперт, 2014. 408 с.
- Лубский 2014 – *Лубский Р.А.* Российская государственность как социальная реальность. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2014. 292 с.
- Лубский, Посухова 2016 – *Лубский А.В., Посухова О.Ю.* Проекты нацестроительства и модели национальной интеграции в России // *Власть*. 2016. Т. 24. № 8. С. 39–48.
- Репьева 2013 – *Репьева А.М.* Нацестроительство. Формирование и сущностные характеристики (США и Россия) // *Международные отношения*. 2013. № 2. С. 68–79.
- Тишков 2010 – *Тишков В.А.* Российский народ: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2010. 191 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2370.pdf> (дата обращения 10.02.2020).
- Этническое и религиозное многообразие России 2018 – *Этническое и религиозное многообразие России* / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.
- Bell and Freeman, eds. 1974 – *Wendell Bell and Walter E. Freeman, eds.*, *Ethnicity and Nation-Building: Comparative, International, and Historical Perspectives*. Beverly Hills, California: Sage Publications, 1974, 400 p.
- James 1996 – *James P.* *Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community*. London: Sage Publications, 1996. 338 p.
- Nation Building in Comparative Contexts 1966* – *Nation Building in Comparative Contexts* / Ed. by K.W. Deutsch, W.J. Folt. 1966. New York: Atherton.

References

- Bagdasaryan, V.E. (2014), “Naciestroitel'stvo ili imperiestroitel'stvo: razvilka podhodov”, *Problemyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, no. 1 (33), vol. 7, pp. 47–50.
- Bahlova, O.V., Bahlov, I.V. (2019), “Gosudarstvennaya politika naciestroitel'stva v Rossii: sodержanie, instituty i mekhanizmy”, *Regionologiya*, vol. 27, no. 3, pp. 413–435.
- Deutsch, K.W., Folt, W.J. (eds.) (1966), *Nation Building in Comparative Contexts*, Atherton, New York.
- Drobizheva, L.M. (2018), “Grazhdanskaya rossijskaya identichnost': dinamika i potencial v konsolidacii politetnicheskogo obshchestva”, *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii*. Tishkova V.A., Stepanova V.V. (eds.), textbook, 2th ed., IEA RAN, Moscow, Russia, pp. 107–119.
- Drobizheva, L.M. (2019), “Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki o rossijskoj grazhdanskoj identichnosti i realizaciya ee v polietnicheskikh regionah Rossijskoj Federacii”, *Edinstvo. Grazhdanstvennost'. Patriotizm. Sb. nauchnyh trudov k 100-letiyu Respubliki Bashkortostan*, Mir pechati, Ufa, Russia, pp. 4–8.
- James, P. (1996), *Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community*, Sage Publications, London.
- Kara-Murza, S.G., Kurapatkina, O.V. (2014), *Naciestroitel'stvo v sovremennoj Rossii*. Moscow, Russia.
- Lubskij, R.A. (2014), *Rossijskaya gosudarstvennost' kak social'naya real'nost'*, Rostov n/D, Russia.

- Lubskij, A.V., Posuhova, O.Yu. (2016), "Proekty naciestroitel'stva i modeli nacional'noj integracii v Rossii", *Vlast'*, vol. 24, no. 8, pp. 39–48.
- Rep'eva, A.M. (2013), Naciestroitel'stvo. Formirovanie i sushchnostnye harakteristiki (SSHA i Rossiya), *Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 2, pp. 68–79.
- Tishkov, V.A. (2010), Rossijskij narod: Kniga dlya uchitelya, available at: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2370.pdf> (accessed 10.02.2020).
- Tishkova, V.A., Stepanova, V.V. (ed.) (2018), *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii*, IEA RAN, Moscow, Russia.
- Wendell, Bell and Walter, E. Freeman, eds. (1974), *Ethnicity and Nation-Building: Comparative, International, and Historical Perspectives*. Beverley Hills, Sage Publications, California, 400 p.
- Zorin, V.Yu. (2019), "Rossijskaya etnopolitika na sovremennom etape: tradicii i innovacii", *Vestnik rossijskoj nacii*, no. 2, pp. 9–34.
- Zorin, V.Yu., Astvaczaturova, M.A. (2018), "Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii: institucional'nyj i infrastrukturnyj aspekty", *Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj etnologii*, no. 263.

Информация об авторе

Ольга В. Цветкова, кандидат политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4; tsvetkovaov@mail.ru

Information about the author

Olga V. Tsvetkova, Cand. of Sci. (Political), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 4/27, Lomonosovsky Avenue, Moscow, Russia, 119991; tsvetkovaov@mail.ru

Разработка эффективных брендов территорий с применением экономофизических моделей миграционных потоков

Алан Л. Абаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, abaeva@rggu.ru*

Владимир Н. Крючков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kriuchk@rambler.ru*

Анна А. Чуб

*Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия, AACHub@fa.ru*

Аннотация. Целью исследования является обоснование положения о том, что бренд территории предназначен стать драйвером развития территории и позитивных сдвигов в экономическом положении населения. Обсуждается проблема разработки эффективных брендов территорий и возможных механизмов ее решения.

Отмечается, что на данный момент при разработке брендов территорий эстетические критерии, как правило, преобладают над экономическими. Это говорит о том, что заказчикам чаще нужен быстрый и поверхностный результат, а не реальное развитие территории. Особое внимание уделяется эффективности разработанных брендов, поскольку именно этот аспект в зоне внимания заказчиков и разработчиков обычно отсутствует.

Научная новизна исследования заключается в том, что одним из методов выяснения причин недостаточного развития территории авторами предлагается изучение миграционных потоков, поскольку они наглядно показывают желание (или нежелание) населения территории участвовать в ее развитии. Отмечается, что господствующая в настоящее время гравитационная модель формирования миграционных потоков явно устарела и нуждается в замене на новую, более глубоко вскрывающую механизм процессов миграции.

Результатом исследования является предложенный механизм учета показателей миграционных потоков для управления брендом территорий и вывод, что в современных условиях особое значение приобретает грамотная и своевременная информация о «плюсах» и «минусах» каждой территории, нуждающейся в притоке определенного контингента новых жителей и удержании контингента из числа коренных жителей. Брендинг – один из наиболее действенных инструментов подобного информирования.

Ключевые слова: миграция, миграционные потоки, брендинг, бренд территории, эффективный бренд, экономофизика

Для цитирования: Абаев А.Л., Крючков В.Н., Чуб А.А. Разработка эффективных брендов территорий с применением экономофизических моделей миграционных потоков // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 20–32. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-20-32

Development of effective territories brands with using migration flows econophysical models

Alan L. Abaev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
abaeval@rggu.ru*

Vladimir N. Kryuchkov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kriuchk@rambler.ru*

Anna A. Chub

*Financial University under the Government of Russian Federation,
Moscow, Russia, AACHub@fa.ru*

Abstract. The aim of the research is to substantiate the statement that the brand of the territory is intended to become a driver of the territory development and positive changes in the economic situation of the population living there. The problem of developing effective territory brands and possible mechanisms of their solution is discussed.

The article focuses on the fact that at the moment, when developing territory brands, as a rule, aesthetic criteria prevail over economic ones, which suggests that customers more often need a quick and superficial result, rather than the real development of the territory. Special attention is paid to the effectiveness of the developed brands, as this very aspect usually “falls out” of the attention of customers and developers.

The scientific novelty of the research is that one of the methods to find out the reasons for the insufficient development of the territory by the authors is the study of migration flows, as they clearly demonstrate the desire (or unwillingness) of the territory’s population to participate in its development. It is noted that the currently dominant gravitational model of migratory flows formation is clearly outdated and needs to be replaced by a new one that reveals more deeply the mechanism of migration processes.

The result of the study is a proposed mechanism for taking into account the indicators of migratory flows to manage the brand of territories, and the conclusion is that in today’s conditions of special importance is a competent and timely information about the pros and cons of each territory, which requires the inflow of a certain number of new residents and the retention of the population of indigenous peoples. Branding is one of the most effective tools for such information.

Keywords: migration, migration flows, territory brand, effective brand, econophysics

For citation: Abaev, A.L., Kryuchkov, V.N., Chub, A.A. (2020), “Development of effective territories brands with using migration flows econophysical models”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 20–32, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-20-32

Введение

Ключевое значение при разработке брендов территорий имеет их эффективность. Примеров разработки брендов территорий в современной истории России немало. Чаще всего такие заказы получают известные брендинговые и дизайнерские организации с устойчивой репутацией. Например, широко известны бренды Калужской области и Перми, разработанные студией Артемия Лебедева. Процесс разработки широко освещался в прессе и профессиональной среде. Подавляющее большинство отзывов и критических статей были положительными. Бренды были признаны лаконичными, выразительными и с хорошим потенциалом развития.

Но где сейчас эти бренды и кто о них помнит? И где впечатляющие успехи в развитии Калужской области и Пермского края? Несомненно, на принятие соответствующих решений о проведении дорогостоящих кампаний по разработке брендов повлияли крупные градообразующие предприятия – «Уралкалий» в Перми и пул совместных автосборочных предприятий с иностранным участием в Калуге. В настоящее время экономическое развитие этих субъектов Российской Федерации не связано с разработкой их бренда, потока желающих переехать на жительство в Пермь и Калугу также пока не наблюдается.

Не лучше выглядят результаты и относительно недавних примеров разработки бренда территорий – например, брендов Липецка и Мурманска. В первом случае явно просматривается финансовое участие НЛМК (Новолипецкого металлургического комбината). С Мурманском несколько сложнее – не оставляя без внимания экономическое влияние «Норникеля», можно предположить, что там большую роль сыграли политические амбиции экс-губернатора М. Ковтуна.

Если говорить о Мурманске и Мурманской области, то необходимо учитывать, что данный регион практически изолирован на Кольском полуострове и, помимо береговой линии, граничит с Норвегией, Финляндией и Карелией. Языковая изоляция налицо. Если же добавить особенности заполярного климата, внушительное количество оборонных объектов и огромный природный заповедник на территории Мурманской области, поводов для активных входящих миграционных потоков, скажем прямо, немного. Поэтому при разработке бренда достаточно профессиональный коллектив дизайн-студии LINII Group пошел традиционным путем – изучил мнение горожан, взял за основу явные визуальные ориентиры и создал привлекательную имиджевую символику, которая была по достоинству оценена в профессиональной среде и через 4 года получила ряд наград на международных фестивалях и конкурсах. А что получили жители? Притока желающих переселиться в Мурманск на постоянной основе пока не замечено. Укрепил ли новый бренд психологический комфорт жителей Мурманска? Такой цели в техзадании не было, да и инструментов контроля его (комфорта) показателей определено не было. В «Отчете о реализации плана

мероприятий по продвижению бренда города Мурманска в 2018 г.» приведены данные о количестве публикаций, изготовленных знаков идентификации и стендов на различных выставках, в то же время в нем нет ни одного показателя динамики миграционных потоков или психологического состояния жителей города/региона.

История с брендом Липецка ближе к нам по времени (бренд Мурманска разрабатывался в 2013–2014 гг.). Перед переизбранием прежний глава города успел заключить договор с креативным агентством “Ampersand.fm”. Летом 2019 г. оно провело ряд общественных слушаний, открытых диалогов и глубинных интервью с лидерами мнений города, чтобы выделить ключевые идеи, объединяющие жителей города и отражающие его культурную идентичность. Заметим, что в предварительном исследовании не было задействовано ни одного объективного показателя по состоянию входящей и исходящей миграции, экологического и экономического состояния города. Для голосования жителям города было предложено три варианта шрифтового решения. Прочитируем слова Талли Кельми, креативного директора Ampersand.fm: «Бренд для города – это призма его развития и благоустройства. Основная задача бренда города – задать вектор развития, а также оформить внешний облик городской среды в едином стиле и дать возможность развития культурного кода территории».

То есть городу с критическим состоянием экологии были предложены: «призма», «вектор», «культурный код» и, как их воплощение, три варианта шрифта. Дальнейшая судьба проекта, в связи с приходом нового главы города, пока неизвестна.

Вышеприведенные примеры показывают, что при разработке брендов территорий, как правило, эстетические критерии преобладают над экономическими, что позволяет предположить, что заказчикам чаще нужен быстрый и поверхностный результат, а не реальное развитие территории. Поэтому критерии эффективности и механизм их контроля в техзаданиях на разработку брендов фактически отсутствуют. К сожалению, исполнителей такое положение дел вполне устраивает. В результате мы получаем талантливо оформленную «верхушку айсберга», большая часть которого по-прежнему остается скрытой от глаз наблюдателей.

Предварительные исследования с помощью Google Trends для выдвижения и проверки гипотез при разработке эффективных брендов территорий

Прежде всего, следует заметить, что изначально инструмент Google Trends не был предназначен для научных исследований – разработчики честно предупредили, что выложили его для поддержки СМИ, чтобы они проводили более убедительную аналитику перед публикацией новостей и обзоров. Но после появления его сразу же взяли на вооружение серьезные исследователи.

Например, американский исследователь Сет Стивенс-Давидовиц наглядно показал, что на основе Google Trends можно не только

получить гипотезы, но и проверить их [Стивенс-Давидовиц 2018]. Для этого приходится, конечно, применять перекрестные запросы и вложенные исследования, но, если выстроить строгую логическую цепочку, результаты выглядят вполне убедительными. А преимущества информации, заложенной в огромном массиве запросов Google, говорят сами за себя и, прежде всего, непредвзятость мнений и запросов, поскольку в подавляющем большинстве случаев при наборе запроса пользователь не ангажирован и не опасается стороннего взгляда. Заметим, что Сет Стивенс-Давидовиц защитил диссертацию на основе результатов, полученных с помощью Google Trends.

А неангажированность и непредвзятость мнений нам понадобится, поскольку, принимая решение о перемене места жительства, человек принимает одно из самых ответственных решений в своей жизни и не заинтересован предавать его огласке до самого переезда. Еще менее он заинтересован правдиво рассказывать о его причинах.

Проанализируем тенденции изменения частот запросов на куплю-продажу и съем-сдачу квартир на территории России за 15-летний период, сравнивая вложенные друг в друга периоды, отсчитываемые от 10 марта 2020 г. за 15 лет, 5 лет, 1 год и 3 месяца, представленные на рис. 1. Такая, не совсем привычная, но вполне доказательная логика обусловлена параметрами аналитической программы Google Trends.

**Динамика соотношений частот запросов
на куплю/продажу и съем/сдачу квартир
в России**

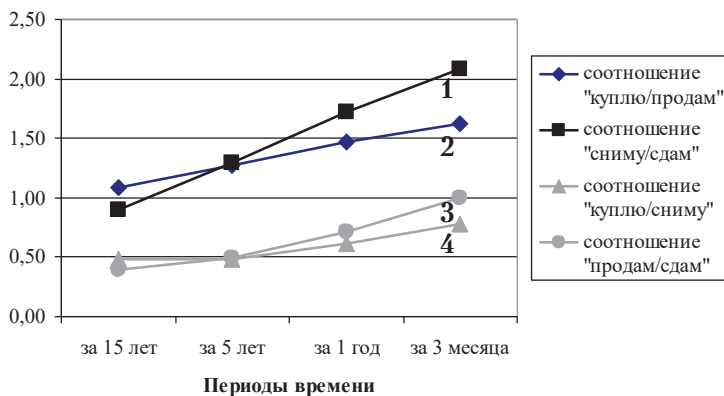

Рис. 1. Динамика частот запросов на куплю/продажу и съем/сдачу квартир по регионам РФ в период 2004–2020 гг.

Линия 1 показывает, что за 15 лет соотношение запросов на съем и сдачу квартир, которые не требуют изменения прав собственности, выросло примерно в 1,5 раза. Это можно рассматривать как свидетельство растущей мобильности граждан, нуждающихся во временном жилье при переезде в новый регион.

Линия 2 иллюстрирует то, что соотношение количества запросов на покупку квартир к количеству запросов на продажу квартир за тот же период выросло значительно – в 2 раза. Можно предположить, что это дополнительно свидетельствует о повышении мобильности граждан, с поправкой на снижение их доходов. Именно снижение доходов побуждает их крепче держаться за недвижимость, которой они владеют, как за наиболее устойчивый актив и залог для ипотечного кредитования. Кроме того, можно предположить, что улучшение условий ипотечного кредитования и рост числа банков, предлагающих подобные услуги, способствовали тому, что граждане стали смелее покупать квартиры, сохраняя за собой имеющуюся недвижимость.

Линии 3 и 4 дополняют линии 1 и 2 в части сравнения абсолютных значений количества запросов, что, с нашей точки зрения, необходимо, поскольку программа Google Trends позволяет получить только относительные значения. Они показывают, что наблюдаемое в среднем за 15 лет почти двукратное превышение количества запросов на съем и сдачу квартир над количеством запросов на куплю и продажу приходит к равенству в настоящее время. Это можно интерпретировать как дополнительное свидетельство того, что за этот период граждане стали более основательно держаться за свою недвижимость.

При этом показатели частот всех четырех категорий запросов демонстрируют падающий тренд с 2011 г., что говорит о снижении миграционной и экономической активности населения в этот период времени.

Были проанализированы данные по частоте запросов «переезд в» и «переезд из» за период с 2004 г. по настоящее время (15-летний период).

По общему запросу «переезд» активность по регионам представлена в табл. 1 (в порядке убывания активности).

Таблица 1

Активность запросов «переезд» по регионам РФ

Регион	Относительная частота запросов
Магаданская область	100
Город Москва	84
Камчатский край	62
Хабаровский край	62
Мурманская область	57
Челябинская область	57
Калининградская область	55
Город Санкт-Петербург	55
Новосибирская область	55
Омская область	55

Окончание табл. 1

Регион	Относительная частота запросов
Свердловская область	54
Республика Карелия	52
Республика Коми	2
Волгоградская область	52
Архангельская область	51

После резких колебаний с явными максимумами в феврале 2004 и феврале 2009 г., в ноябре 2011 г. установился равномерный, медленно растущий тренд, в результате которого интерес к теме в настоящее время удвоился.

Наибольшую активность к теме «переезда в» проявляют регионы, представленные в табл. 2 в порядке убывания.

Таблица 2

Активность запросов «переезд в» по регионам РФ

Рейтинг активности регионов за последние 15 лет «переезд в»	Рейтинг активности регионов за последние 5 лет «переезд в»	Рейтинг активности регионов за последний год «переезд в»
Кемеровская область	Хабаровский край	Красноярский край
Хабаровский край	Омская область	Хабаровский край
Калининградская область	Кемеровская область	Челябинская область
Красноярский край	Челябинская область	Новосибирская область
Омская область	Красноярский край	Приморский край
Приморский край	Калининградская область	Омская область
Новосибирская область	Новосибирская область	Алтайский край
Челябинская область	Ханты-Мансийский автономный округ	Кемеровская область
Ханты-Мансийский автономный округ	Приморский край	Свердловская область
Иркутская область	Свердловская область	Ханты-Мансийский автономный округ

Анализируя перечень регионов и их географическое положение, логично предположить, что основными причинами, вызывающими стремление к переезду, послужили неблагоприятный климат и проблемы экологии. Так, в последнее время в прессе активно

обсуждается «эффект черного неба» в Красноярске и Челябинске, что связано с деятельностью металлургических предприятий и теплоэлектростанций, работающих на угле. Омская область, помимо резких перепадов температуры, известна проблемами наполнения регионального бюджета, поскольку Омский нефтеперерабатывающий завод, заметно ухудшающий экологическую обстановку в Омске, платит налоги в Санкт-Петербурге. Новый губернатор Омской области А.Л. Бурков объявил основной причиной слабой инвестиционной активности в Омске известный всероссийский мем «Не пытайтесь уехать из Омска!».

Заметим, что в классических «законах миграции Равенштейна», на которые продолжают ссылаться современные зарубежные и отечественные исследователи процессов миграции, есть законы, явно не бесспорные для российских условий¹. На основе статистических данных о миграции в европейских странах и США автор сделал десять обобщений, которые назвал «законами миграции» [Grigg 1977]. Наиболее важный закон сформулирован следующим образом: «Доминирование экономических детерминант миграции. Экономические факторы доминируют в процессе принятия решения о миграции. Неподходящий климат, плохая социальная среда, высокие налоги и т. д. не могут сравниться с желанием улучшить собственное материальное положение».

Если мы примем во внимание, что климатический фактор в Европе и в Северной Америке менее заметен, чем на территории России, где температура в отдельных регионах колеблется в пределах 100 градусов Цельсия, а большая часть территории находится в зоне рискованного земледелия, то придем к выводу, что в российских условиях соотношение климатических и экономических факторов требует определенной корректировки.

Подчеркнем, что запрос «переезд в» указывает не столько на то, куда собирается переезжать автор запроса, сколько на то, что он вообще собирается куда-то переезжать, что мы трактуем как мобильность или активность.

При анализе того, куда предпочитают переезжать авторы запросов, лидируют Краснодар, Москва и Сочи. При уточнении, в какой город предпочитают переезжать авторы запросов, явным лидером становится Москва.

Из зарубежных государств в последний год резко выросла популярность Чехии, которая сместила на второе место Исландию, возглавлявшую рейтинг в последние 5 лет.

Уточнение требуется для того, чтобы отделить тех, кто хочет уехать из конкретного города/региона, от тех, кто хочет переехать в конкретный город/регион. До сих пор мы оперировали объединенными результатами запросов, показывающими степень мобильности жителей регионов.

¹ Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. № 2. URL: <http://www.jstor.org/stable/2979181> (дата обращения 15.11.2019); Ibid. Vol. 52. № 2. 1889. P. 241–305.

Ограничения гравитационной модели миграционных потоков

В современной практике моделирования миграционных процессов широко используются гравитационные модели в сочетании с математическими, статистическими и эконометрическими методами. С их помощью чаще всего проводится анализ динамики миграционных процессов. В последнее время в отечественной практике все чаще стали применяться агент-ориентированный подход и нейросетевое моделирование [Корепина 2017]. Классификация методов моделирования миграционных потоков представлена на рис. 2.

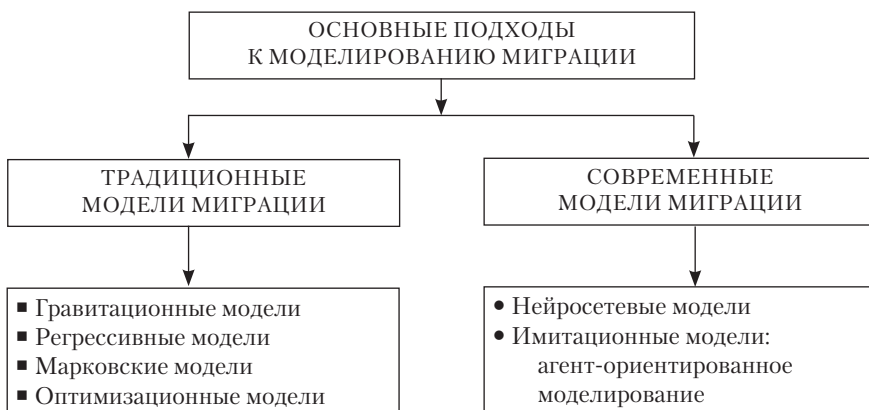

Рис 2. Основные подходы к моделированию миграции

Но влияние гравитационной модели по-прежнему достаточно сильно вследствие наглядности и связности. Экономическая физика вообще привлекательна именно доказательностью, поскольку ее исходные модели многократно продемонстрировали свою состоятельность на физических объектах. Поэтому соблазн воспользоваться этими наглядно убедительными моделями достаточно велик. При этом необходимо учесть адекватность аналогии.

Теория гравитационной модели базируется на допущении аналогии между гравитацией как физическим процессом и «гравитацией» населения в рамках двух центров масс.

Впервые такая аналогия была допущена Равенштейном в конце XIX столетия². С тех пор разработано много модификаций гравитационной модели. Например, Рейли [Reilly 1953] предложил модель следующего вида: $M_{ij} = P_i P_j (d_{ij})^{-2}$, где M_{ij} – миграционный поток; P_i , P_j – условные массы двух центров (например, если два центра – это разные города, их массами выступает численность населения); d –

² Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. № 2. URL: <http://www.jstor.org/stable/2979181> (дата обращения 15.11.2019).

расстояние между ними. Таким образом, Рейли предполагает, что объем перемещений между двумя центрами прямо пропорционален произведению численности их населения и обратно пропорционален квадрату расстояния между ними.

Известна также гравитационная модель Стюарта–Ципфа $M_{ij} = PiPj(dij)^{-1}$. Эта модель была предложена для прогнозирования миграционных связей между Европой и Северной Америкой [Zipf 1950].

Джонсон уподобляет миграцию населения эмиссии световых лучей $Mx = kX^{-1}e^{ax}$, где Mx – доля численности мигрантов в данный центр из зоны, находящейся от него на расстоянии X , в общем объеме миграции из этой зоны; k – постоянная; a – коэффициент поглощения центром миграционного потока [Макаров, Бахтизин, Сушко 2014]. В данном случае предполагается, что мигрирующее население «поглощается» теми территориями, по которым движется (по аналогии с потоком зрителей в театре, убывающим по мере движения к местам от партера к верхнему ярусу). Кривую поглощения построить значительно труднее, чем гравитационную модель.

Перечисленные модели связывают интенсивность миграций с двумя факторами: численностью населения в центрах i и j и расстоянием между ними. Такие модели пригодны далеко не для всех периодов и регионов. Кроме того, они не дают ответа на вопрос, какой центр более притягателен. Сознывая несовершенство традиционных гравитационных моделей, некоторые ученые пришли к выводу о необходимости учета факторов миграции в более полном объеме. Был даже введен специальный термин «региональная комплементарность (взаимодополняемость)» для обозначения характера взаимопритяжения двух центров.

Не повторяя достаточно подробно описанных несовершенств гравитационных моделей миграции, обратим внимание на издержки, которые до сих пор не обсуждались.

Во-первых, уравнение И. Ньютона носит потенциальный характер. Оно определяет возможность перемещения масс, но не само перемещение. В модели же миграции однозначно закреплено, что результат перемещения эквивалентен возможности такого перемещения. Это существенно искажает первоначальный смысл и назначение уравнения всемирного тяготения. В качестве примера достаточно положить на плоскость рядом два массивных металлических бруска. Они, без сомнения, будут притягиваться друг к другу, но с места не сдвинутся по причине малости силы притяжения и наличия противодействующей силы трения, причем сила трения у каждого бруска будет пропорциональна силе притяжения его к Земле, рассчитанной по тому же закону всемирного тяготения.

Во-вторых, аналогия причин миграции и притяжения масс имеет достаточно прозрачный, но весьма односторонний характер. Да, регионы притягивают население друг друга в силу природных и социальных параметров, но они и отталкивают его – в силу параметров негативного характера – неизбежно есть и таковые. Например, освободившиеся из мест заключения нередко остаются в местах, в которых отбыли наказание, поскольку за время отсидки лишились

жилья, родных и работы в местах, откуда прибыли для отбытия наказания. Всей душой многие из них стремятся вернуться, но моральные и материальные причины удерживают их на прежнем месте. То есть налицо не только притяжение, но и отталкивание – многие из них покинули бы места, связанные не с самыми приятными воспоминаниями, если бы имели такую возможность.

Гравитационная модель, однако, не предполагает отталкивания – только притяжение. Более того, расстояние между регионами носит относительный характер – вследствие наличия транспортных коммуникаций и соответствующих цен на перемещение по ним. В советское время поездка на Дальний Восток не представляла собой такой проблемы, как в наше время. Даже студент мог позволить себе на выходные съездить на Черное море. Также доступно было по действующим в то время ценам заказать контейнер для перевозки домашнего имущества при переезде в другой регион. Люди уезжали на Крайний Север и Дальний Восток, чтобы поправить свое материальное положение, без боязни тех затруднений, которые возникнут при переезде обратно, что поддерживало нужную государству мобильность трудовых ресурсов.

Целесообразность применения моделей миграционных потоков в брендинге территорий

Эффективность бренда территории должна определяться соотношением эффекта от его разработки и затрат на его создание. Промежуточных измерителей эффекта в виде «доли в сердце» и «доли в сознании», по терминологии Россера Ривза, явно недостаточно, поскольку затраты на создание бренда имеют точное денежное измерение. А вот показатели миграционных потоков – гораздо более материальны и четче переводятся в денежный эквивалент. Более того, показатели миграционных потоков легко подразделяются на показатели для оценки краткосрочного эффекта («маятниковая миграция») и «стратегические» показатели потоков с переменной постоянной места жительства.

Более того, показатели миграционных потоков хорошо согласуются со стратегией развития территории, поскольку поддаются классификации по группам трудовых ресурсов и социальным группам, определяющим нагрузку на бюджет территории.

Таким образом, можно рассматривать бренд территории как важный инструмент управления ее стратегическим развитием, и оценивать его эффективность следует через показатели миграционных потоков, поскольку именно на них он оказывает прямое воздействие.

Для управления миграционными потоками необходимо смоделировать их зависимость от социально-экономических, климатических и географических факторов, что целесообразнее делать на основе готовых концепций и моделей, надежно зарекомендовавших себя

в смежных отраслях знаний. Наиболее проработанными из них являются физические концепции и модели.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить: разработка эффективных брендов территорий нуждается в новой концепции, опирающейся на динамику миграционных потоков; динамику миграционных потоков целесообразнее всего моделировать на основе экономофизической модели.

Литература

- Корепина 2017 – *Корепина Т.А.* Социальные проблемы развития территорий // Вопросы территориального развития. Вып. 1 (36). 2017. С. 1–11.
- Макаров, Бахтизин, Сушко 2014 – *Макаров В., Бахтизин А., Сушко Е.* Моделирование демографических процессов с использованием агент-ориентированного подхода // Федерализм. 2014. № 4. С. 37–46.
- Стивенс-Давидовиц 2018 – *Стивенс-Давидовиц С.* Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас все. М.: ЭКСМО, 2018. 350 с.
- Grigg 1977 – *Grigg D.B.* E.G. Ravenstein and the “laws of migration” // *Journal of Historical Geography*. No 3(1). 1977. P. 41–54.
- Reilly 1953 – *Reilly W.J.* The law of retail gravitation. N. Y., 1953. 75 p.
- Zipf 1950 – *Zipf G.K.* Human Behavior and the Principle of Least Effort // *The Economic Journal*. 1950. URL: <http://www.jstor.org/stable/2226729/> (дата обращения 11.12.2019).

Referencies

- Korepina, T.A. (2017), “Social'nye problemy razvitija territorij” [Social problems of territorial development], *Voprosy territorial'nogo razvitija*, Вып. 1 (36), pp. 1–11.
- Makarov, V., Bachtizin, A., Suchko, E. (2014), “Modelirovanie demograficheskikh processov s ispol'zovaniem agent-orientirovannogo podhoda” [Modeling demographic processes using an agent-based approach], *Federalizm*, no. 4, pp. 37–46.
- Ctivens-Davidovic, S. (2018), *Vse lgut. Poiskoviki, Big Data i Internet znajut o vas vse* [Everybody lies: Big data, new data, and what the Internet can tell us about who we really are], EKSMO, Moscow, Russia.
- Grigg, D.B. (1977), “E.G. Ravenstein and the ‘laws of migration’”, *Journal of Historical Geography*, no. 3 (1), pp. 41–54.
- Reilly, W.J. (1953), *The law of retail gravitation*, N.Y., 1953.
- Zipf, G.K. (1950), “Human Behavior and the Principle of Least Effort”, *The Economic Journal*, [Online], available at: <http://www.jstor.org/stable/2226729> (accessed 11.12.2019).

Информация об авторах

Алан Л. Абаев, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; abaeval@rggu.ru

Владимир Н. Крючков, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kriuchk@rambler.ru

Анна А. Чуб, доктор экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Ленинградский просп., д. 49; AACHub@fa.ru

Information about the authors

Alan L. Abaev, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; abaeval@rggu.ru

Vladimir N. Kryuchkov, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; kriuchk@rambler.ru

Anna A. Chub, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradskiy Avenue, Moscow, Russia, 125993; AACHub@fa.ru

УДК 314.7

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-33-49

Критический анализ
опыта исследований миграционных процессов
в регионах российской Арктики и субарктики

Юлия В. Андреева
*Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия, yulia.andre@gmail.com*

Арбахан К. Магомедов
*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, artagomedov@gmail.com*

Магомед А. Омаров
*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, omarovm@list.ru*

Аннотация. В статье обсуждаются актуальные вопросы, касающиеся статуса северных и арктических территорий как наиболее миграционно-подвижных. Проводится обзор исследований последних лет, а также освещаются проблемы, требующие дополнительного изучения. Анализ актуальных причин миграции позволяет определить наиболее привлекательные факторы для прибывающих на северные и арктические территории мигрантов. «Точкой притяжения» для них в первую очередь оказывается рынок труда. При этом авторы констатируют наличие аналитических проблем при изучении миграционных процессов на российском Севере. Статистическая информация, касающаяся эмиграции или внутренней миграции, практически отсутствует в свободном доступе. Результаты социологических опросов по-прежнему остаются основным методом и ключевым источником информации о процессах социальной мобильности в России.

Ключевые слова: Крайний Север, российские арктические регионы, миграционные процессы, рынок труда, социальная мобильность

Для цитирования: Андреева Ю.В., Магомедов А.К., Омаров М.А. Критический анализ опыта исследований миграционных процессов в регионах российской Арктики и субарктики // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 33–49. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-33-49

Critical analysis of the experience
of research on migration processes in the Regions
of the Russian Arctic and subarctic

Yulia V. Andreeva

*Ulyanovsk state University, Ulyanovsk, Russia,
yulia.andre@gmail.com*

Arbakhan K. Magomedov

*Moscow state Linguistic University, Moscow, Russia,
armagomedov@gmail.com*

Magomed A. Omarov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
omaroom@list.ru*

Abstract. The article discusses topical issues related to the status of the Northern and Arctic territories as the most migratory-mobile. A review of recent studies is conducted, and issues that require additional study are highlighted. An analysis of the current reasons for migration makes it possible to determine the most attractive factors for migrants arriving in the Northern and Arctic territories. The “point of attraction” for them, first of all, is the labour market. At the same time, the authors state the presence of analytical problems in the study of migration processes in the Russian North. Statistical information regarding emigration and whether internal migration is practically absent in the public domain. The results of opinion polls remain the main method and key source of information on the processes of social mobility in Russia.

Keywords: Far North, Russian Arctic regions, migration processes, labour market, social mobility

For citation: Andreeva, Yu.A., Magomedov, A.K., Omarov, M.A. (2020), “Critical analysis of the experience of research on migration processes in the Regions of the Russian Arctic and subarctic”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 33–49, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-33-49

Проблематика

Обозначение территорий российского Севера и Арктики как наиболее подвижных в миграционном плане регионов является общим местом в публикациях многих авторов. Вместе с тем, текущие миграционные процессы описываются скорее как неустойчивые с точки зрения динамики приездов и отъездов населения северных территорий. Как правило, для более полного понимания текущих миграционных процессов, авторы социологических публикаций наряду с привычными социологическими опросами традиционно используют статистику. Однако здесь необходимо сделать оговорку. Несмотря на то, что миграционные исследования разного уровня часто базируются на статистике, с ней в отечественной практике существуют

большие проблемы. С определенной долей условности мы можем говорить о статистике иммиграции, покрывающей не более 5–10% необходимой исследователям информации, но и она может оказаться весьма противоречивой. К тому же такая информация становится все менее доступной (речь идет об информации, не сводящейся к численности прибывших-выбывших и не затрагивающей сальдо миграции). Что же касается эмиграции или внутренней миграции, то такая информация практически отсутствует в свободном доступе. Российские ученые не могут проводить свои исследования, основываясь на работе с широкими базами данных, подобных тем, что используются в Европе и Северной Америке. Поэтому несмотря на то, что авторы в своих социологических публикациях ссылаются на статистические данные, подходить к ним стоит с определенной долей скептицизма. Результаты социологических опросов по-прежнему остаются для ученых основным методом изучения миграций и ключевым источником информации о процессах социальной мобильности в России.

Основные тенденции и ключевые проблемы развития миграционных процессов на российском Севере

Статистические данные текущего десятилетия показывают наличие двух миграционных волн в регионах российской Арктики и субарктики. Эти две волны обеспечили значительное увеличение населения данного макрорегиона. Пик первой волны пришелся на 2012 год, в то время как максимальное значение второй волны имело место в 2016 г. Доля миграционного прироста в общем приросте населения в 2012 г. составила 40,32%, а в 2016-м – 38,42%, тогда как «промежуточный лаг» – это 10–13% (в 2013-м – 13,02%, в 2014-м – 10,05%, в 2015-м – 12,09%) [Краснова, Кед 2017]. Анализируя сальдо миграции, выделяем две группы причин. К первой группе относятся причины, по которым число прибывших превышает число выбывших, а ко второй – причины, по которым число выбывших превышает число прибывших. Положительное сальдо миграции наблюдалось по следующим причинам прибытия: 1) работа; 2) обострение межнациональных отношений в местах прежнего проживания; 3) обострение криминогенной обстановки. Отрицательное сальдо миграции в течение всего рассматриваемого периода (2012–2016 гг.) ежегодно наблюдалось по следующим причинам: 1) возврат к прежнему месту жительства; 2) учеба; 3) причины личные, семейные; 4) несоответствие природно-климатическим условиям; 5) экологическое неблагоприятие; 6) иные причины.

Таким образом, результаты анализа актуальных причин миграции позволяют определить наиболее привлекательные факторы для прибывающих на северные и арктические территории мигрантов. «Точкой притяжения» для них в первую очередь оказывается рынок труда: по формальным показателям в северных и арктических регионах более низкий показатель безработицы по сравнению с другими

регионами, удовлетворительный уровень зарплат, есть некоторые возможности для развития предпринимательской деятельности.

Дальнейшая миграционная ситуация на северных территориях, в частности в ХМАО, развивалась в обратном направлении. В 2017 г., по информации Управления федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу, количество выбывших за январь–ноябрь 2017 г. превысило количество прибывших¹. Отрицательное значение миграции сформировалось вследствие миграционной убыли в пределах России (внутрирегиональная и межрегиональная миграция) в количестве 8596 человек и миграционного прироста за счет международной миграции в объеме 4889 человек (январь–ноябрь 2016 г.: –4894 и 8453 человека соответственно). За январь–ноябрь 2017 г. коэффициент миграционной убыли составил –24,5 в расчете на 10 тыс. населения (январь–ноябрь 2016 г. – 23,8 в расчете на 10 тыс. населения).

Но несмотря на общую тенденцию «отбытия», тем не менее, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2017 г. был зафиксирован относительно высокий уровень миграционной активности населения по сравнению с другими регионами. Число прибывших в автономный округ за январь–ноябрь 2017 г. составило чуть меньше, чем выбывших (70,3 тыс. человек и 73,9 тыс. человек соответственно). При этом отмечается, что трудовые ресурсы автономного округа пополняются соотечественниками из числа квалифицированных специалистов: 34,0% имеют высшее образование, 66,0% – среднее профессиональное.

Несмотря на статистику, показывающую небольшое различие в соотношении «выбывшие-прибывшие» в сторону «выбывших», в некоторых источниках Ханты-Мансийский автономный округ – Югра получил определение «мигрантоизбыточный субъект» [Питухина 2015]. Вероятно, такая «мигрантоизбыточность» и привлекла к нему особое внимание исследователей. В контексте такого признания весьма интересно и поучительно рассмотреть исследовательские проекты последних лет, посвященные миграционным процессам в полярных регионах России. В 2017 г. на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры было проведено социологическое исследование, целью которого являлось изучение мнения населения о сложившейся миграционной ситуации в регионе [Бурундукова, Родь, Хромцова 2017]. Характеризуя миграционную ситуацию в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, инициаторы и организаторы данного исследования отметили, что 43,55% населения считают, что в округе существует спокойная миграционная обстановка, не вызывающая проблем. В то же время было зафиксировано, что в Югре наблюдается большой отток местного населения в другие

¹ Доклад о наркоситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2017 г. (утвержден п. 1.2 протокола заседания Антинаркотической комиссии ХМАО – Югры от 20.03.2018 г. № 1) [Электронный ресурс] URL: <https://tumstat.gks.ru/news/tag/6175?page=1> (дата обращения 10.12.2019).

регионы страны или за рубеж. Наряду с этим исследование выявило и противоположный процесс: активный приток жителей из других российских регионов, прибытие иностранных мигрантов, формирование поселений или кварталов, состоящих из мигрантов, которые резко отличаются по языку и культуре. В целом выводы, которые предлагаются в качестве результатов исследования, на наш взгляд, требуют дополнительной аргументации. По какой причине авторы не стали их приводить – вопрос открытый.

В подобных исследованиях, где предпринимается попытка рассмотреть многие аспекты проблемы, не раскрытыми остаются многие вопросы, четкий концептуальный формат авторам выдержать непросто. Возможно, исследователи не акцентировали внимание на вопросах, которые напрашиваются после прочтения сделанных ими выводов или не стали рассматривать их как важные для своего проекта. В частности, в вышеупомянутом исследовании не проясненным остался главный, на наш взгляд, вопрос. Речь идет об уровне результативности миграционного движения в регионе: как достаточно высокая миграция соотносится с приживаемостью (укорененностью) населения на данной территории? Какова в связи с этим не только этническая, но и социально-культурная композиция региона? Как здесь решаются проблемы, характерные для территорий с высоким уровнем мобильности населения? Например, какие перспективные инструменты (в том числе законодательные) применяются для регулирования трудовой миграции? Что происходит с нелегальной миграцией, параметры которой неизвестны? Каковы здесь специфические черты вахтовой миграции, несогласованность которой с рынком труда создает дополнительную нагрузку на социальную сферу, и т. д.?

*Практические аспекты социологической экспертизы
миграционных процессов в Арктике и субарктике:
о путях разработки более эффективной методологии
(на примере ХМАО и ЯНАО)*

Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО) вместе с Ямало-Ненецким автономным округом (ЯНАО) как ведущие нефтегазовые центры российского Севера представляют интерес для трудовых мигрантов. И с точки зрения получения важной социологической информации по выяснению специфики социальной мобильности эти территории могли бы обладать более значительными возможностями использования миграционных процессов для развития своих региональных экономик. Вместе с тем, отсутствие актуальных социологических данных и выстроенной на их основе продуманной миграционной политики указанных территорий может вызвать в конечном счете насыщение миграционной «емкости» регионов, что повлечет за собой рост безработицы и дополнительные социальные затраты. Все это может негативно отразиться на уровне жизни граждан в целом и превратить данные территории в перенаселенное (с точки зрения

адекватности численности населения социально-экономическим возможностям) пространство. А если добавить к этому еще и отсутствие понимания социокультурной региональной специфики, то к общей социальной напряженности могут приплюсоваться очаговые (локальные) конфликты.

Кроме вышеупомянутых исследований, среди источников, которые также были отобраны в качестве релевантных для освещения состояния миграционных исследований на интересующих нас территориях, в открытом доступе (на сайте госзакупок от 05.06.2017 г.)² была размещена информация о конкурсе на организацию научно-исследовательских работ по теме «Проведение исследований по оценке государственной миграционной политики в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре с разработкой миграционной модели Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Заказчиком данного проекта выступил Департамент гражданской защиты населения Ханты-Мансийского автономного округа. В перечень работ входили: анализ миграционных потоков на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в ретроспективном периоде; анализ уровня межнационального согласия и миграционной ситуации, разработка инструментария его расчета в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре; количественный и качественный прогноз миграционных потоков на рынке труда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в период до 2030 г.; прогноз потребности в привлечении иностранных работников; разработка плана мероприятий («дорожной карты») по регулированию миграционных процессов.

По итогам реализации данного проекта с такими масштабными задачами, с целью знакомства с полученными результатами, в открытом доступе нам удалось обнаружить лишь одну публикацию [Питухина, 2018]. Очевидно, что всех решенных в ходе исследования задач и всего объема полученных результатов данная работа отразить не может. В упоминаемой публикации описывается лишь часть выполненных работ. А именно: автор сообщает, что в 2017 г. в рамках данной НИР («Проведение исследований по оценке государственной миграционной политики в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре с осуществлением миграционной модели Ханты-Мансийского автономного округа – Югры») в ХМАО была написана информационно-профилактическая разработка под названием «Мультикультурный барометр», которая годом ранее прошла апробацию в Республике Карелия. Инициировало создание разработки Министерство по национальным вопросам и связям с общественными и религиозными организациями Республики Карелия. Эта разработка, вероятно, задумывалась как способ мониторинга ситуации в отдельно взятом муниципальном образовании или в отдельно выбранном регионе. Причина такого изменения формата состояла в том, что прежний инструмент мониторинга, которым пользовалось Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) – «Система мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций» –

не решает текущих локальных задач и работает фрагментарно. Идея прежней системы мониторинга ФАДН – комплекса организационных, методических и технических мероприятий – нацелена решать задачи по наблюдению, сбору и анализу данных на основе технологий искусственного интеллекта (мониторинг СМИ, блогосферы, социальных сетей, обращений граждан и т. д.). Все это необходимо для повышения эффективности управления в сфере государственной национальной политики в субъектах РФ, предупреждения возникновения конфликтов и дискриминаций. А идея «мультикультурного барометра», как стало понятно из публикации, – это тот же мониторинг, только кроме анализа продуктов деятельности, документов, исследования контента онлайн-среды, он включает в себя еще и опрос принимающего населения и мигрантов в разрезе муниципальных образований регионов. Задачи обозначены в публикации весьма перспективные.

Так, в вышеуказанной работе сообщается, что в 2017 г. «мультикультурный барометр» был проведен для Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Мы попытались понять, что же представляет собой данная разработка в содержательно-техническом плане? Автор пишет, что методология включает в себя сбор сведений по четырем информационным блокам – «рынок труда», «национальная идентичность», «социокультурная адаптация» и «интеграция мигрантов». Блок «рынок труда» строится на статистических данных из открытых источников, блоки «национальная идентичность» и «социально-культурная адаптация» базируются на данных опросов мигрантов в каждом муниципалитете региона, а блок «интеграция мигрантов» дополняется результатами опроса мигрантов и принимающего сообщества во всех муниципалитетах региона. И реализация данной разработки позволяет найти ответы на ключевые вопросы миграционной и национальной политики в разрезе муниципалитетов: какова доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, каков уровень толерантного отношения к представителям другой национальности, есть ли враждебность к людям других национальностей и т. д. Задачи в целом не новые, хотя и прозвучавшие в новом формате.

Если говорить о результатах проведенного исследования, то их, к сожалению, сложно назвать полными и убедительными. Автор исследования пишет, что «на примере ХМАО – Югры было проанализировано распределение иностранных трудовых мигрантов по видам экономической деятельности, уровням образования; проанализирована группа вынужденных переселенцев с Украины; вычленены топ-10 профессий среди мигрантов и т. п.» – и на этом «описание результатов» завершается [Питухина, 2018]. Сама по себе разработка под названием «Мультикультурный барометр» в публикации

²Единая информационная система в сфере закупок (официальный сайт) [Электронный ресурс]. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok44/view/common-info.html?regNumber=0187200001717000446>, свободный. загл. с экрана (дата обращения 05.03.2020).

представлена в виде изображения географической карты территории ХМАО, на которой цветом отмечены районы с высоким уровнем миграционной напряженности. Из представленного исследования следует, что по данным 2017–2018 гг. из девяти отмеченных муниципалитетов ХМАО районами с высоким уровнем миграционной напряженности являются пять: Нижневартовский, Нефтеюганский, Ханты-Мансийский, Октябрьский и Кондинский [Питухина, 2018]. В содержательном смысле приведенная в публикации фактологическая информация, к сожалению, не нашла большего отражения. Не были также упомянуты перспективы внедрения (применения) полученных результатов. Отсутствует раскрытие понятия «уровень высокой миграционной напряженности» и пояснение того, как этот полученный уровень соотносится с удельным весом трудовых мигрантов в регионе, какие мероприятия в связи с этим были предприняты и т.д. Этот опыт, вероятно, ожидает дополнительного анализа и доведения его результатов до научной общественности. Хочется надеяться, что предпринятые усилия, пусть пока и не нашедшие отражения в формате полноценной научной статьи или обзора, обладают научной и практической ценностью.

Учитывая цель развития северных и арктических территорий – формирование стабильных параметров структуры населения, а также комфортной среды его проживания, что соответствует потребностям устойчивого экономического роста, – можно отметить, что миграционная политика в идеале должна быть направлена на использование миграционного потенциала в интересах социально-экономического, социально-культурного и демографического развития региона.

Социально-экономические эффекты трудовой миграции

В данной связи особенно актуальными представляются вопросы, касающиеся включения мигрантов разных типов в структуру принимающих сообществ. В этом плане отметим качественную методическую разработку (методические рекомендации) для педагогов образовательных организаций, содержащую комплекс материалов, отражающих практические аспекты и раскрывающую механизмы процесса социально-культурной адаптации и интеграции детей мигрантов в современное образовательное пространство [Минаева 2018]. Практическая ценность этих методических рекомендаций не только в обобщении и систематизации накопленных к текущему моменту лучших социологических, психологических и педагогических практик, позволяющих ребенку с миграционным бэкграундом максимально комфортно включиться в среду принимающего региона, но в признании, утверждении и популяризации идеи «встречного движения»: от принимающего сообщества в лице его ключевых для школьника лиц (учителей, школьных психологов, социальных педагогов и школьной администрации в целом) – к ребенку и его семье.

Анализ литературы по миграционной тематике северных и арктических территорий показал, что часть работ здесь связана с изучением отдельных социальных явлений, например феномена отходничества. И упоминание регионов – доноров трудовой миграции в этих работах происходит в связи с анализом «естественных» направлений перемещения отходников. Отчасти феномен отходничества в северные и арктические территории связывается с изучением вопросов внутренней трудовой миграции в России. К внутрироссийским трудовым мигрантам (отходникам) относят граждан России, чье место работы находится в другом регионе или другом муниципальном образовании (отличном от места постоянного проживания), при этом работник не имеет возможности ежедневно, или раз в двое-трое суток перемещаться между домом и работой. Внутренний трудовой мигрант – это тот, кто совершает поездки домой, к семье, не чаще раза в неделю, но при этом не переехал на постоянное местожительство в город или регион, где находится его нынешняя работа. Семья такого работника (при ее наличии) остается проживать в другом регионе (муниципальном образовании) России.

Публикуемые с 2011 г. данные обследований рабочей силы (ОРС, ранее – ОНПЗ) позволяют определить численность трудовых межрегиональных мигрантов в 1,6–1,7 млн человек. Критерием их выделения является посещение родного дома и семьи не чаще одного раза в неделю. Конечно, это оценка также достаточно условна, некоторые исследователи даже полагают ее заниженной [Нефедова 2015]. Но и оценки в 15–20 млн человек выглядят скорее как завышенные. Коллектив авторов, обсудивших данную оценку, не представил обоснованных доказательств столь широкого распространения данного явления [Плюснин и др., 2015]. Вместе с тем, несмотря на анализ числовых данных, стремящихся объяснить масштабы внутренней трудовой миграции, все же в исследованиях феномен отходника конструируется больше как культурный, что ценнее для понимания специфических временных особенностей пребывания и бытования внутренних трудовых мигрантов на северных и арктических территориях с точки зрения возможностей применения отходнического потенциала для развития территорий российского Севера и Арктики.

В остальных проанализированных нами работах по миграционным исследованиям упоминания северных и арктических территорий происходит в связи с анализом общероссийских миграционных процессов (таких работ оказалось большинство). В них представлены самые общие характеристики трудовых мигрантов и миграционных перемещений по всей России, и в северные регионы в том числе. Так, к примеру, по масштабам миграции российские «СеверА» сравниваются со столичными регионами – Москвой и Московской областью. Но если последние выбираются мигрантами больше как места для постоянного проживания, то мигранты, перемещающиеся в направлении Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, решают вопрос с ПМЖ ситуационно, даже если и имели на это изначальную установку.

По социально-демографическому профилю среди внутренних трудовых мигрантов преобладают мужчины. Согласно данным ОРС/ОНПЗ, их доля составляет около 83%. На Север чаще едут трудовые мигранты среднего и старшего возраста, тогда как возраст трудовых мигрантов в направлении Москвы и Санкт-Петербурга сравнительно моложе. Это объясняется межрегиональными различиями в профессионально-квалификационной и отраслевой структуре занятости в этих регионах.

На российском рынке труда представлены иностранные работники более чем из ста стран мира. Однако подавляющее большинство международных трудовых мигрантов на сегодня составляют граждане государств-участников СНГ. При этом в нефтегазовые регионы иностранцы едут в меньшей степени, чем внутренние трудовые мигранты, чаще – в крупные агломерации. Таким образом, российский Север – это территория преимущественного освоения внутренними мигрантами.

В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО средняя зарплата составляет 60–70 тыс. рублей. Но по сравнению со средней зарплатой по стране здесь заработки трудовых мигрантов отличаются в сторону увеличения.

С точки зрения оценки социально-экономических эффектов трудовой миграции стоит отметить, что основную часть заработанных средств внутрироссийские трудовые мигранты тратят дома, в месте проживания их семей (около 68% трудовых мигрантов привозят домой более 75% заработанного). На северной вахте процент привезенного заработка еще выше, многие не могут потратить заработанное в границах территории, где работают. Здесь, как правило, временных работников обеспечивают питанием, также значимым «бонусом» для них является низкая стоимость жилья или полное отсутствие платы за него в месте работы на вахте. Конечно, такие условия есть далеко не у всех, но трудовые мигранты стараются экономить, проживая либо по месту работы (в строительных бытовках на объекте, в «дежурке» и т. п.), либо снимают только койко-место. Лечиться, получать иные социальные услуги трудовые мигранты стараются дома [Флоринская и др. 2015].

Для понимания региональных особенностей северных и арктических территорий, на наш взгляд, стоило бы дополнительно изучить локальные параметры этого явления, связанные с направлениями миграций, социально-демографическими характеристиками участников миграционных перемещений разных типов, итоговыми экономическими и социальными эффектами миграций для отдельно взятой локальности. В настоящее время исследований такого плана недостаточно. Ведь разные типы мигрантов, как правило, представлены на одних и тех же региональных рынках труда. Более того, они часто концентрируются в сходных нишах занятости. Логично, что в таких условиях может возникать определенная конкуренция, причем именно между мигрантами разных категорий, а не только между мигрантами и местным населением.

*Этническая компонента миграционных процессов
в оценках российских специалистов*

Отдельный корпус исследований миграционной тематики связывается в ряде работ с изучением этнической компоненты социальной мобильности. При этом этническая трудовая и семейная миграция рассматриваются в работах как отдельные типы миграций. Подчеркивается, что особенно заметные миграционные потоки в российские полярные регионы следуют из северокавказских регионов РФ и из государств Средней Азии, а также из Закавказья. Здесь стоит отметить социологические исследования транснациональности, транслокальности и антропологические исследования локальных микросообществ, которые представляют безусловный интерес для понимания специфики миграционной ситуации, складывающейся на территориях российского Севера и Арктики в целом. Первые такие антропологические и социологические работы, направленные на изучение проблем миграции выходцев Северного Кавказа в Западную Сибирь и уделяющие внимание их специфической роли в регионе, стали появляться лишь в последние несколько лет [Капустина 2014; Соколов 2014].

Опубликованные результаты более длительного исследования удалось обнаружить только у одного автора [Капустина 2017]. Это исследование основано на качественных данных интервью, проведенных в 2011–2016 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе, а также в сельских районах Дагестана. Автором анализируется миграция из сел Дагестана в города Ханты-Мансийского автономного округа. Именно эта миграционная траектория по линии «Дагестан–ХМАО» отмечается исследовательницей как заметное экономическое и социальное явление и для региона-донора, и для региона-реципиента. Особенно это актуально с учетом того, что ХМАО занимает второе место после Московского региона по количеству принятых временных трудовых мигрантов [Карачурина 2013]. Но автор пишет, что объектом данного исследования является не просто вахтовый метод работы, подразумевающий временный выезд мигранта, непрерывную работу и затем возвращение домой, когда семья работника остается «на земле» (этим термином информанты обозначали и Дагестан, и родное селение в республике).

Миграция другого типа – более длительная по времени, предполагает поиск на Севере более-менее постоянной работы и постоянное проживание без возвращения в республику в течение нескольких лет, а то и десятилетий. Ориентированные на долговременную миграцию дагестанцы снимают жилье, обустраивают на новом месте быт. Некоторые члены их семей зачастую присоединяются к ним в миграции. Вместе с тем, сами мигранты продолжают сохранять связь с местом отправления, участвовать в социальной и экономической жизни своих селений, планируя однажды вернуться домой насовсем. Практики используемых в таких мигрантских семьях дискурсов не позволяют однозначно отнести такого рода мигрантов и их близких к определенной территориальной или социокультурной реальности.

Они существуют в нескольких мирах (условно – в двух), символически проживая и там, и тут. Именно поэтому для анализа ситуации исследовательница использует транснациональный подход, который в последние два десятилетия активно применяется в социальных науках. Описывая полученные результаты, она отмечает, что, пребывая за пределами республики, дагестанцы продолжают поддерживать свою локальную идентичность. Поэтому и дагестанская миграция в ХМАО – это не единое сообщество, а мозаика из микросообществ, сформировавшихся по большей части на основе семейно-родственных сельских, в меньшей степени – районных и этнических, связей. Это создает специфические социально-экономические эффекты. Среди которых, например, возникновение так называемых этнических бизнесов (мясной бизнес, бизнес халяльных продуктов, торговля одеждой и т. д.), важных для проживающих в ХМАО дагестанцев. В связи с этим актуальными для исследования остаются вопросы: насколько степень укорененности прибывающих и проживающих мигрантов влияет на характер выстраиваемых связей, как это определяет конфигурацию поля складывающихся контактов; какие дополнительные ресурсы и капиталы, а также какие риски создают эти установки на транслокальность как в географическом, так и в социальном, культурном и индивидуальном плане; какие преимущества из такого транслокационного бытования можно извлечь для накопления человеческого капитала и для развития территорий?

Поиску ответов на эти вопросы было отчасти посвящено антропологическое исследование «местных» и «приезжих» на Ямале [Опарин 2016]. Автор проанализировал динамику и практики создания социальных границ с учетом вариативности миграционного опыта «новых» и «старых» приезжих в контексте социокультурной среды принимающего сообщества. Несмотря на превалирование антропологических описаний, результаты данного исследования тем не менее представляют научный интерес, поскольку миграционная динамика последних лет все чаще была вторичной задачей в работах, посвященных промышленному освоению Севера и коренным народам [Головнёв 2006; Тишков и др. 2016].

Объектом своего исследования автор выбрал Яр-Сале – административный центр Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Предметом исследования стал миграционный опыт «новых» приезжих, в первую очередь киргизов, калмыков, карачаевцев и ногайцев – тех этнических групп, которые являются наиболее многочисленными из числа недавних мигрантов. Особое внимание в исследовании было уделено вопросам взаимоотношений между ненцами и «новыми» мигрантами. На первый взгляд, как утверждает исследователь, аборигенное население и недавно приехавшие рабочие и специалисты живут в параллельных пространствах и не имеют точек соприкосновения. Но также все больше появляются ненецко-киргизские (в меньшей степени ненецко-таджикские, ненецко-узбекские, ненецко-калмыцкие) супружеские пары, заключаются официальные браки, происходят конфликты между «местными» и «приезжими», завязываются дружеские отношения. Автор описывает изменение по-

вседневных жизненных практик местного населения, трансформацию социокультурной среды села, влияние миграции на повседневность тундровых ненцев, которые эпизодично появляются в поселке. На окружном уровне формируется новая региональная идентичность, проявляющаяся в официальном позиционировании Ямала как многонациональной территории. Вместе с тем, мусульманское присутствие в городах маркировано мечетями, халяльными магазинами, похоронным сервисом, кладбищем. В Яр-Сале мусульмане проводят пятничные молитвы в доме культуры, заметными событиями для села последних лет становятся праздники Курбан-байрам и Ураза-байрам. В округе несколько ненцев приняли ислам. Исследователь делает вывод о том, что те социальные (локальные) границы, которые зачастую существуют между ненцами из одного поселка, на деле оказываются более стабильными и нерушимыми, чем социальные границы между «местными» и «приезжими», которые относят себя к разным этническим группам. Идея о том, что в определенных случаях соседство имеет больший потенциал для формирования устойчивых позитивных отношений, нежели сходство этнических идентификаций, конечно, не нова, но в данном случае ценностью является то тщательное антропологическое описание, которое было проведено автором.

Заключение

Резюмируя анализ проведенных исследований миграционной тематики, реализованных на территориях ХМАО и ЯНАО, стоит отметить, что несмотря на приводимые в ряде работ статистические данные, описывающие объемы миграции в этих регионах, подходить к ним следует все же с определенной долей условности. На сегодняшний день российские исследователи, к сожалению, не обладают полной и непротиворечивой статистической информацией о текущих миграционных перемещениях. Основным измерительным инструментом социолога остаются традиционные массовые количественные опросы, которые в самых благоприятных ситуациях существенно обогащаются данными качественных социологических исследований. За текущее десятилетие исследователи отмечают две «миграционные волны» в изучаемых регионах – в 2012 и 2016 гг. В целом же регионы характеризуются как «миграционно-избыточные», «миграционно-подвижные» и «миграционно-нестабильные». В связи с чем в большинстве проанализированных работ миграция рассматривается как проблемное явление для северных регионов.

Вместе с тем, отмечается возможность использования миграционного потенциала для развития территорий. В большинстве работ авторы акцентируют внимание главным образом на факторах внутренней трудовой миграции. В структуре населения территорий выделяют разные типы проживающих и разные категории мигрантов. Среди мигрантов есть недавние переселенцы, проживающие на территориях не менее пяти лет, а есть так называемые «новые мигранты», которые порой переезжают целыми семьями в последние годы.

Среди тех и других есть как внутренние, так и внешние мигранты, есть особые категории – вахтовики и отходники. К этому структурному, социокультурному, поселенческому разнообразию добавляются этнический и религиозный компоненты. Таким образом, каждая из этих групп совершенно специфически может оказывать влияние на экономику и социокультурный характер той территории, на которой проживает. И интересы каждой группы важно учитывать и регулировать в свете перспектив развития полярных регионов.

Литература

- Бурундукова, Родь, Хромцова 2017 – *Бурундукова Е.М., Родь Ю.С., Хромцова Л.С.* Результаты социологического исследования вопросов трудовой миграции на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс] // Вестник ЮГУ. 2017. № 3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-sotsiologicheskogo-issledovaniya-voprosov-trudovoy-migratsii-na-territorii-hanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry> (дата обращения 18.10.2019).
- Головнёв 2006 – *Головнёв А.В.* Российский Север: народы и границы [Электронный ресурс] // Управленческое консультирование. 2006. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-sever-narody-i-granitsy> (дата обращения 19.10.2019).
- Капустина 2014 – *Капустина Е.Л.* Собственность на север: мигранты из Дагестана и освоение городского пространства в Западной Сибири (на примере ситуации в г. Сургут) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 5. С. 158–176.
- Капустина 2017 – *Капустина Е.Л.* Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 26–34.
- Карачурин 2013 – *Карачурин Л.Б.* Внутрироссийская трудовая миграция: распространенность и география передвижений // Экономическое развитие России. 2013. Т. 20. № 7. С. 45–49.
- Краснова, Кед 2017 – *Краснова Л.А., Кед А.П.* Миграция населения в Тюменской области: причины и влияние на социально-демографический состав населения [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Наукоедение». 2017. Т. 9. № 4. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/31EVN417.pdf> (дата обращения 12.12.2019).
- Минаева 2018 – *Минаева Е.И.* Создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции детей мигрантов: методические рекомендации / Авт.-сост. Е.И. Минаева; автономное учреждение дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования». Ханты-Мансийск: Институт развития образования, 2018. 46 с.
- Нефедова 2015 – *Нефедова Т.Г.* Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 3. С. 41–56.
- Опарин 2016 – *Опарин Д.А.* «Местные» и «Приезжие» на Ямале: социальные границы и вариативность миграционного опыта [Электронный ресурс] // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnye-i-priezzhie-na-yamale-sotsialnye-granitsy-i-variativnost-migratsionnogo-opyta> (дата обращения 09.10.2019).

- Питухина 2015 – *Питухина М.А.* Особенности миграционных процессов в Арктической зоне РФ [Электронный ресурс] // ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 2. С. 41–49. URL: <http://openbudgetrf.ru/doc/1562/> (дата обращения 15.10.2019).
- Питухина 2018 – *Питухина М.А.* Мультикультурный барометр для Арктики: Примеры реализации в Республике Карелия и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре [Электронный ресурс] // Миграция и межнациональные отношения в современной России: Сб. материалов Международной научно-практической конференции. Изд-во «Литера», 2018. С. 201–209. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36726170_93116738.pdf (дата обращения 28.12.2019).
- Плюснин и др. 2015 – *Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н.* Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. № 1. С. 35–71.
- Соколов 2014 – *Соколов Д.* Роль «совести» в нефтегазовой политике [Электронный ресурс] // Кавполит. 2014. 20 июля. URL: http://kavpolit.com/articles/rol_sovesti_v_neftegazovoj_politike-7452/ (дата обращения 11.10.2019).
- Тишков и др. 2016 – *Тишков В.А., Коломиец О.П., Мартынова Е.П., Новикова Н.И., Пивнева Е.А., Терехина А.Н.* Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Ред. В.А. Тишкова // Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.
- Флоринская и др. 2015 – *Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К.* Миграция и рынок труда. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 130 с.

References

- Burundukova, E.M., Rod', Yu.S. and Khromtsova, L.S. (2019), "Rezultaty sotciologicheskogo issledovaniya voprosov trudovoi migratsii na territorii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry" [Results of a Sociological Study of Labour Migration Issues on the Territory of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra], *Vestnik Yugry* [Bulletin Yugra], no. 3 (46), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-sotsiologicheskogo-issledovaniya-voprosov-trudovoy-migratsii-na-territorii-hanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry> (accessed 18.10.2019).
- Golovnev, A.V. (2006), "Rossiiskii Sever: narody i granitsy" [Russian North: Peoples and Borders]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management Consulting], no. 3, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-sever-narody-i-granitsy> (accessed 19.10.2019).
- Kapustina, E.L. (2014), "Sobstvennost na Sever: migranty iz Dagestan ai osvoenie gorodskogo prostranstva v Zapadnoi Sibiri (na primere situatsii v g. Surgut)" [Ownership to the North: Migrants from Dagestan and the Development of Urban Space in Western Siberia (on the Example of the Situation in Surgut)], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [Journal of Social Studies and Social Anthropology], no. 5, pp. 158–176.
- Kapustina, E.L. (2017), "Mezhdru severom i zemlei: doroga iz Zapadnoi Sibiri v Dagestan kak element sotsialnogo prostranstva translokalnogo migrant" [Between the North and the Land: The Road from Western Siberia to Dagestan as an Element of the Social Space of a Translocal Migrant], *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Social Studies], no. 5, pp. 26–34.
- Karachurina, L.B. (2013), "Vnutrirossiyskaya trudovaya migratsiya: rasprostranennost i geografiya peredvizhenii" [Internal Russian Labour Migration: Prevalence and Geography of Movement], *Ekonomicheskoe razvitie Rosii* [Economic Development of Russia], vol. 20, no. 7, pp. 45–49.

- Krasnova, L.A. and Ked, A.P. (2017), "Migratsiya naseleniya v Tiimenskoi oblasti: prichiny i vliyanie na sotsialno-demograficheskii sostav naseleniya" [Population Migration in the Tyumen Region: Reasons and Impact on the Socio-Demographic Composition of the Population], *Internet-jurnal "Naukovedenie"* [Internet-Journal "Science Management"], vol. 9, no. 4, available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/31EVN417.pdf> (accessed 12.12.2019).
- Minaeva, E.I. (2018), *Sozdanie uslovii dlya sotsialnoi i kulturnoi adaptatsii i integratsii detei migrantov: metodicheskie rekomendatsii* [Creating Conditions for Social and Cultural Adaptation and Integration of Children of Migrants: Methodological Recommendations]. avt.-sost. E.I. Minaeva; avtonomnoe echrezhdenie dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga-Ugry. Institut razvitiya obrazovaniya, Khanty-Mansiisk, Russia, 46 p.
- Nefedova, T.G. (2015), "Migratsionnaya podvizhnost naseleniya i otkhodnichestvo v sevremennoi Rossii" [Migration Mobility of the Population and Migratory Movement in Northern Russia], *Izvestiya rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Serie of Geographic], no. 3, pp. 41–56.
- Oparin, D. A. (2016), " 'Mestnye' i 'Priezhzhie' na Yamale: sotsialnye granitsy i variativnost migratsionnogo opyta" ["Locals" and "Newcomers" in Yamal: Social Boundaries and Variability of Migration Experience], *Sibirskiye istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Studies], no. 4, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnye-i-priezzhe-na-yamale-sotsialnye-granitsy-i-variativnost-migratsionnogo-opyta> (accessed 09.10.2019).
- Pitukhina, M.A. (2019), "Osobnosti migratsionnykh protsessov v Arcticheskoi zone RF" [Features of Migration Processes in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Politeks* [Politeks], vol. 11, no. 2, pp. 41–49, available at: <http://openbudgetrf.ru/doc/1562/> (accessed 10.10.2019).
- Pitukhina, M.A. (2018), *Multikulturnyi barometr dlya Arktiki. Primery realizatsii v respublike Kareliya i Khanty-Mansiiskom Avtonomnom okruge* [A Multicultural Barometer for the Arctic. Example of Implementation in the Republic of Karelia and the Khanty-Mansi Autonomous Okrug], *Migratsiya i mezhnatsionalnye otnosheniya v sovremennoi Rossii, Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Litera, Khanty-Mansiisk, Russia, pp. 201–209, available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36726170_93116738.pdf (accessed 28.12.2019).
- Pliusnin, Yu., Pozanenko, A.A. and Zhidkevich, N.N. (2015), "Otkhodnichestvo kak novyi faktor obshestvennoi zhizni" [Vacation as a New Factor in Social Life]. *Mir Rossii* [World of Russia], no. 1, pp. 35–71.
- Tishkov, V.A., Kolomiez, O.P., Martynova, E.P., Novikova, N.I., Pivneva, E.A., Terekhina, A.N. (2016), *Rossiiskaya Arktika: korennyye narody i promyshlennoe osvoenie* [Russian Arctic: Indigenous Peoples and Industrial Development], V.A. Tishkova (ed.), Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN. Nestor-Istoriya, Moscow, St. Petersburg, Russia, 272 p.
- Sokolov, D. (2014), "Rol' 'Sovesti' v neftegazovoi politike" [The Role of Conscience in Oil and Gas Policy], *Kavpolit* [Kavpolit], 20 iyulya, available at: http://kavpolit.com/articles/rol_sovesti_v_neftegazovoj_politike-7452/ (accessed 11.10.2019).
- Florinskaya, Yu.F., Mkrtchyan, N.V., Maleva, T.M. and Kirillova, M.K. (2015), *Migratsiya i rynek truda* [Migration and the Labour Market], Delo, RANKhiGS, Moscow, Russia, 130 p.

Информация об авторах

Юлия В. Андреева, кандидат психологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия; 432000, Россия, Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; yulia.andre@gmail.com

Арбахан К. Магомедов, доктор политических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119043, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38; armagomedov@gmail.com

Магомед А. Омаров, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; omarovm@list.ru

Information about the authors

Yulia V. Andreeva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia; bld. 42, Leo Tolstoy Street, Ulyanovsk, Russia, 432000; yulia.andre@gmail.com

Arbakhan K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political), professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bld. 38, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034; armagomedov@gmail.com

Magomed A. Omarov, Dr. of Sci. (Political), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; omarovm@list.ru

УДК 349.2(4)

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-50-58

Правоприменительная практика в ЕС в сфере трудовой миграции

Наталья Г. Деханова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, ndehanova@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется нормативно-правовая база, устанавливающая статус граждан стран Европейского союза (ЕС). Выявляются проблемы, которые могут стать препятствием в процессе унификации права, регламентирующего труд мигрантов в странах ЕС. В ходе исследования выявлены и проанализированы основные проблемы, с которыми сталкиваются мигранты из стран ЕС, в частности, постановка на миграционный учет, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, доступ к услугам в финансово-кредитном секторе и многие другие направления деятельности трудовых мигрантов.

Автор использует комплексный подход к рассмотрению проблем миграционного, экономического и социального характера. Сделано предположение о дальнейшем развитии партнерских отношений стран-членов ЕС в условиях пандемии и введения жестких ограничений.

Ключевые слова: ЕС, правоприменительная практика, трудовые договора, интеграция, рынок труда

Для цитирования: Деханова Н.Г. Правоприменительная практика в ЕС в сфере трудовой миграции // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 50–58. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-50-58

Law enforcement practice in the EU in the field of labor migration

Natalia G. Dekhanova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
ndehanova@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the regulatory framework, establishing the status of citizens of the countries of the European Union (EU). The author identifies problems that can become an obstacle in the process of unification of the law regulating labor of migrants in the EU countries.

The study identified and analyzed the main problems faced by migrants from EU countries, in particular, migration registration, registration as an individual entrepreneur, access to services in the financial and credit sector and many other areas of activity of labor migrants.

The author uses an integrated approach to considering the problems of migration, economic and social nature. A proposal was made on the further develop-

© Деханова Н.Г., 2020

ment of partnerships between EU member states in the context of a pandemic and the introduction of severe restrictions.

Keywords: EU, law enforcement, employment contracts, integration, labor market

For citation: Dekhanova, N.G. (2020), "Law enforcement practice in the EU in the field of labor migration", *Ethnopolitics Issues*, no. 3, pp. 50–58. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-50-58

Постановка на миграционный учет

Граждане государств ЕС, имеющие трудовые договора или являющиеся самозанятыми, обязаны зарегистрироваться в течение 3 месяцев со дня пребывания в стране трудоустройства. В день обращения заявителю выдается сертификат, подтверждающий регистрацию. Сертификат является бессрочным. Членам семьи, совместно проживающим с заявителем, также выдается документ, подтверждающий миграционный статус – «Свидетельство о регистрации члена семьи гражданина страны ЕС», срок действия которого составляет 5 лет. При выезде из страны трудоустройства менее чем на 6 месяцев повторная регистрация по возвращении не требуется. После 5 лет непрерывного проживания в стране трудоустройства трудящийся, а также проживающие вместе с ним члены семьи имеют право подать документы на вид на жительство.

Ограничения на занятие индивидуальным предпринимательством

В ЕС право зарегистрировать ИП и заниматься индивидуальным предпринимательством предоставляется гражданам государств-членов ЕС на основании статьи 53 Договора «О функционировании Европейского союза».

12 декабря 2006 г. принята Директива Европейского парламента и Совета 2006/23/ЕС «Об услугах», целью которой является устранение барьеров на пути торговли услугами на всем пространстве ЕС. На практике данная директива упростила административные процедуры для поставщиков услуг (включая индивидуальных предпринимателей), расширила права потребителей и предприятий, получающих услуги, и способствовала сотрудничеству между странами ЕС.

Согласно статье 14 данной Директивы, государства-члены ЕС не вправе накладывать на индивидуальных предпринимателей – поставщиков услуг ограничения по выбору страны регистрации ИП.

Таким образом, индивидуальные предприниматели имеют право предоставлять услуги во всех государствах-членах ЕС, выполнив необходимые административные процедуры по регистрации в одном из государств-членов. Некоторые государства-члены ЕС могут требовать уведомления о ведении индивидуального предпринимательства на своей территории.

В то же время государства-члены ЕС могут требовать регистрации индивидуального предпринимателя на своей территории, если ИП планирует вести свою деятельность в одном из следующих секторов экономики:

- финансовые услуги;
- медицинские услуги;
- частная охранная служба;
- услуги игорных заведений;
- нотариальные услуги;
- услуги в сфере телекоммуникаций и радиовещания.

В январе 2013 г. Еврокомиссия приняла План действий «Индивидуальный предприниматель 2020».

Основные цели Плана:

- проведение просветительской работы об индивидуальном предпринимательстве среди молодежи;
- освещение возможности для женщин, мигрантов и пожилых людей в данной сфере;
- дальнейшее смягчение административных требований;
- упрощение доступа к финансированию.

По данным Евростата (Статистической службы ЕС), по состоянию на 2016 год было зарегистрировано 30,6 млн индивидуальных предпринимателей, включая самозанятое население, что составило порядка 14% от всего трудоспособного населения ЕС¹. Из них 71% самозанятых работали без привлечения наемного труда.

По секторам экономики распределение было следующим:

- 4,8 млн, 16% от общего числа ИП в ЕС – оптовая торговля или ритейл;
- 4,8 млн, 16% – ремонт автотранспорта;
- 4,4 млн, 14% – сельское хозяйство, лесная промышленность и рыболовство;
- 3,9 млн, 13% – строительство;
- 3,7 млн, 12% – научно-техническая деятельность.

Проблемы доступа к услугам финансово-кредитного сектора

В странах-членах ЕС, согласно исследованию, проведенному генеральным директором по внутренней политике Европейской комиссии, по состоянию на ноябрь 2011 г. только в 6 странах мира было имплементировано законодательство, обеспечивающее равный доступ к банковским услугам гражданам стран ЕС. В остальных странах ЕС такое право не было законодательно закреплено или было закреплено лишь частично.

¹Statistics on small and medium-sized enterprises [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Statistics_on_small_and_medium-sized_enterprises (accessed 05.05.2020).

Проведенные в рамках данного исследования опросы показали, что в среднем каждый седьмой из опрошенных сталкивался с проблемами доступа к базовым банковским услугам. Наибольшие трудности испытывали граждане Румынии (39% опрошенных), Кипра (26%), Португалии (26%), Греции (25%), Италии (23%), а также Литвы, Венгрии и Франции (по 21%) [Осокина 2017, с. 68].

23 июля 2014 г. была принята Директива Европейского парламента и Совета «О сопоставлении комиссионного вознаграждения за услуги, связанные с использованием платежных счетов, смене платежных счетов и доступа к платежным счетам с базовыми услугами» [Корбут 2013, с. 31]. В Директиве установлены равные права на доступ граждан страны к банковским услугам, включая все необходимые услуги для открытия, использования и закрытия платежного счета, перечисления денежных средств, проведения кредитных операций.

Банки не вправе отказать гражданам стран ЕС в открытии основного банковского счета вне зависимости от страны гражданской принадлежности заявителя. Дополнительно Директива «О системе гарантий депозитов» страхует вклады физических лиц на всей территории ЕС. Сумма возмещения для физического лица по одному вкладу составляет до 100 000 евро.

Ограниченный доступ к государственным услугам

В ЕС ситуация с предоставлением госуслуг регулируется решением Европейского парламента и Совета № 2004/387/ЕС, где была учреждена Программа IDABC (Совместное предоставление услуг Европейского электронного правительства государственным службам, бизнесу и гражданам).

Основная цель IDABC – стимулирование развития онлайн-платформ, предоставляющих государственные электронные услуги гражданам ЕС на всем пространстве Европейского союза.

В 2011 г. Европейская комиссия запустила План работ по электронному правительству на 2011–2020 гг., основная цель которого – повысить доступность электронных госуслуг для всех граждан.

Наибольший успех в данной сфере достигла Австрия, которая сумела перевести подавляющее большинство государственных услуг в электронный формат и обеспечить доступ к госуслугам как для граждан Австрии, так и других граждан государств-членов ЕС.

Законодательство ЕС в сфере предоставления госуслуг в электронном виде:

- в 2004 г. был принят Акт об электронном правительстве. Данный Акт служит правовой основой для создания и использования инструментов и компонентов электронного правительства;
- в 2009 г. была принята Стратегия электронного правительства 2009–2020 гг. Данная Стратегия определяет развитие электронного правительства в целях повышения эффективности,

- надежности и безопасности, прозрачности и открытости, а также национальной и международной конвенции и синергии;
- в 2016 г. была принята Цифровая дорожная карта Австрии. Данная дорожная карта включает многочисленные мероприятия электронного правительства в различных областях; таких как: цифровая инфраструктура, безопасность, защита данных, цифровая политика и государственное управление, цифровое общество, цифровая экономика.

Акт об электронном правительстве предоставляет право гражданам Австрии с 14 лет и гражданам государств-членов ЕС, проживающим в Австрии более трех месяцев, оформить «карту гражданина». Обладатели «карты гражданина» имеют равный доступ ко многим госуслугам.

Ограничения в области имущественных прав

Неимущественные права в ЕС. Хартия Европейского союза по правам человека от 12 декабря 2007 г. установила, что каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и свободу ассоциаций на всех уровнях, в частности, в политических профсоюзных и гражданских вопросах, что подразумевает право каждого вступать в профсоюзы для защиты своих интересов. Каждый гражданин страны ЕС имеет право владеть, пользоваться, распоряжаться и завещать свое законно приобретенное имущество. Согласно «Европейской социальной Хартии» от 3 мая 1996 г. граждане стран ЕС имеют право вступать и организовывать профсоюзы и вести коллективные переговоры на всем пространстве ЕС [Долинская 2012, с. 17]. Подписание данной хартии с 1 декабря 2009 г. является обязательным условием присоединения к Лиссабонскому договору «О внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества» от 13 декабря 2007 г.

Личные имущественные права в ЕС. Согласно статье 17 Хартии Европейского союза по правам человека, граждане стран ЕС могут свободно покупать движимое и недвижимое имущество. Однако на текущий момент не существует единого рынка недвижимости и единых правил (директив и регламентов) по приобретению недвижимости на пространстве ЕС.

В 2004 г. в целях координации кадастровых служб и земельных регистров государств-членов основана Европейская ассоциация земельных регистров, некоммерческая организация, финансируемая Европейской комиссией. Задачей данной организации является предоставление гражданам инструментов, облегчающих доступ к услугам регистрации земли на европейском уровне, предоставление актуальной и полезной информации о регистрации земли. На данный момент она включает 33 организации, курирующие вопросы регистрации прав собственности на землю в 26 государствах ЕС. Согласно исследованию генерального директората по внутренней

политике, почти 3% земель Франции находятся в собственности у граждан Великобритании. В Испании в собственности иностранных граждан находится порядка 0,6% земель, в основном граждан Великобритании, Франции, Германии и Италии.

Неравные условия доступа к услугам страхования имущественных интересов

Страховые компании имеют право свободно создавать отделения и предоставлять услуги во всех странах ЕС. Согласно Директиве совета Европейского союза «О распространении страховых продуктов» от 20 января 2016 г., страховая организация, учрежденная в одном из государств ЕС, имеет право продавать страховки (включая страхование как движимого, так и недвижимого имущества) в другом государстве независимо от гражданства страхователя. Установлены стандартизированные форматы предоставления информационного документа о страховом продукте.

Стандартизированная форма предоставления информации о страховых продуктах включает в себя:

- наименование страхового продукта и страховой компании, предоставляющей его;
- тип страхования;
- страховые случаи;
- нестраховые случаи;
- любые ограничения с точки зрения страхового покрытия;
- обязательства страхователя;
- сроки и объемы оплаты страховки;
- сроки действия страховки;
- способы расторжения страхового договора.

Проблемы получения медицинской помощи в рамках ОМС

Правовой основой политики в сфере здравоохранения в ЕС служат положения части 3 Учредительного договора «Политика Сообщества» и раздел 13 договора о Европейском союзе, которые устанавливают равные права в доступе к системам здравоохранения гражданам ЕС в странах их пребывания или проживания. Формально европейская комиссия не обладает правом прямого регулирования в данной области в соответствии с принципом subsidiarity. Государства-участники оставляют за собой всю полноту компетенции в отношении здравоохранения в сфере так называемого общественного здоровья. Общие расходы на здравоохранение в государствах-членах ЕС значительно варьируются, при этом доля ВВП каждой из стран находится в диапазоне от 5,0 до 11,5%.

На текущий момент в ЕС национальные системы здравоохранения различаются как структурой источников финансирования

(государственный бюджет, страховые и благотворительные фонды, личные средства, отчисления работодателей), так и преобладающими формами собственности (частная, государственная, публичная) [Бляхман 2015, с. 58].

Условно можно выделить три типа систем:

- частно-государственную, где большая роль отводится частному капиталу (большинство стран ЕС);
- государственно-частную, где лидирующая роль отводится государству (Великобритания, Германия) и которая наиболее близка к системе, принятой в Российской Федерации;
- публично-частная (общественная) (Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия).

В основе системы здравоохранения Германии лежит главный принцип – принцип солидарности. Медицинская помощь должна быть доступной для всех слоев населения вне зависимости от их материального положения. При этом финансироваться она должна за счет страховых взносов. Так, в Германии в 2007 г. был принят Закон об обязательном государственном медицинском страховании для всех проживающих в стране. Оплата страховых взносов в Германии производится работодателями и нанятыми работниками на паритетных началах. А тем, кто не работает, оплату страхового взноса полностью покрывает государство. Имея медицинский полис, пациент имеет право на амбулаторную или стационарную медицинскую помощь.

Существует также спасательная служба, которая призвана помочь в случаях, требующих неотложного вмешательства. Таким образом, 78% постоянно проживающих в Германии граждан застрахованы в рамках обязательной системы страхования, а остальные пользуются услугами частных страховых компаний.

Можно выделить следующие ключевые аспекты системы здравоохранения в Германии:

- 1) государственная обязательная страховка предоставляется членам семей трудящихся в Германии – детям, супругам и другим членам семей застрахованных трудящихся, не имеющим самостоятельного дохода (принцип семейного страхования). Для членов семьи она является бесплатной и покрывается за счет фонда страховой компании;
- 2) оплата государственной обязательной страховки не зависит от возраста и фактического состояния здоровья пациента. Базовая ставка страховых взносов взимается с пациента: 14,6% фактического месячного заработка (до вычета налогов). Выплата этого взноса распределена пополам между самим застрахованным и его работодателем;
- 3) государственная обязательная страховка обязательна для всех наемных работников с определенным уровнем доходов. Переход на частную схему страхования освобождает от уплаты взносов за государственную страховку и возможен только в случае, если доход страхуемого превышает 59,400 евро в год (по состоянию на 2018 год).

Обзор основных положений взаимодействия стран ЕС по перемещению и трудовой деятельности трудящихся показал необходимость развивать и совершенствовать основные направления взаимодействия, особенно в условиях экономического кризиса, спровоцированного пандемией COVID-19 и введением ограничительных мер во всех государствах ЕС.

Текущий кризис связан с реализацией эпидемиологического риска мирового уровня – внезапным появлением и резким распространением нового вида инфекции семейства коронавирусов. Вирус получил маркировку 2019-nCoV, заболевание – COVID-19. Данный риск реализуется, когда мировая экономика находится не в лучшем своем состоянии. Нарастает экономическая конфронтация.

В мировой экономике растет риск наступления стагнации: на развитие давит микроэкономическая нестабильность, финансовое неравенство, торговая напряженность, сокращение инвестиций, неуверенность бизнеса и высокие долги. В странах ЕС растет недовольство тем, как правительства справляются с экономическими и социальными проблемами. Закрытие границ нарушило многие прежде принятые договоренности между странами ЕС².

В этой связи возникает вопрос, станут ли экономические последствия распространения COVID-19 спусковым механизмом («триггером») более широкого и глубокого мирового экономического кризиса? Насколько серьезным окажется влияние падения спроса и разрушения цепочек поставок на возможность глобальной рецессии?

В условиях неопределенности в связи с высокой скоростью распространения COVID-19 в качестве первоочередных мер сдерживания распространения COVID-19 странами были приняты меры изоляции регионов со вспышками вируса [Тетерина, Рябова 2020, с. 107]. Данные меры реализуются с разной степенью радикальности: от ограничений на международные перемещения, приостановку работы общественных заведений и общественного транспорта до полного закрытия транспортного сообщения, введения режима чрезвычайной ситуации.

По состоянию на начало апреля большинство стран пошло по пути жесткого карантина, однако нагрузка на систему здравоохранения и развитие пандемии в странах ЕС различная по причине разного времени введения этого режима. Проведение карантинных мер, принимаемых для снижения скорости распространения COVID-19, резко сокращает экономическую активность, что может иметь серьезные последствия для дальнейшего взаимодействия государств-членов ЕС.

²Мировой кризис 2020: вызовы для мира и ЕАЭС. Опыт выхода из кризиса 2014/15 годов: Аналитическая записка по состоянию на 31.03.20 [Электронный ресурс. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/covid-19/Documents/2222.pdf> (дата обращения 03.04.2020).

Литература

- Бляхман 2015 – Бляхман Л.С. Национальное здоровье – ключевая проблема новой индустриализации // Проблемы современной экономики. 2015. № 3 (55). С. 50–61.
- Долинская 2012 – Долинская Л.М. Социальное право Европейского союза // Цивилист. 2012. № 3. С. 11–24.
- Корбут 2013 – Корбут Л.В. Осуществление и защита прав человека в Европейском союзе и России // Евразийский юридический журнал. 2013. № 7 (62). С. 29–37.
- Осокина 2017 – Осокина Е.Б. Предпосылки и основные положения реформы правового регулирования банковской деятельности в ЕС // Право и управление. XXI век. 2017. № 1 (42). С. 66–74.
- Тетерина, Рябова 2020 – Тетерина Д.Ю., Рябова А.Д. Денежно-кредитная политика центральных банков мира и России в период пандемии коронавируса // Наука через призму времени. 2020. № 5 (38). С. 105–109.

References

- Blyakhman, L.S. (2015), “Nacional’noe zdorov’e – klyuchevaya problema novoj industrializacii” [National health – the key problem of new industrialization], *Problems of modern economy*, no. 3 (55), pp. 50–61.
- Dolinskaya, L.M. (2012), “Social’noe pravo Evropejskogo soyuza” [Social law of the European Union], *Civilist*, no. 3, pp. 11–24.
- Korbut, L.V. (2013), “Osushchestvlenie i zashchita prav cheloveka v Evropejskom soyuze i Rossii” [Implementation and protection of human rights in the European Union and Russia], *Eurasian Law Journal*, no. 7 (62), pp. 29–37.
- Osokina, E.B. “Predposylki i osnovnye polozheniya reformy pravovogo regulirovaniya bankovskoj deyatel’nosti v ES” [Prerequisites and main provisions of the reform of legal regulation of banking in the EU], *Law and Management. XXI century*, no. 1 (42), pp. 66–74.
- Teterina, D.Yu., Ryabova, A.D. “Predposylki i osnovnye polozheniya reformy pravovogo regulirovaniya bankovskoj deyatel’nosti v ES” [Monetary policy of the central banks of the world and Russia during the coronavirus pandemic], *Science through the prism of time*, no. 5 (38), pp. 105–109.

Информация об авторе

Наталья Г. Деханова, кандидат социологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 33; ndehanova@mail.ru

Information about the author

Natalia G. Dekhanova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 33, bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119234; ndehanova@mail.ru

Развитие теоретических положений о противодействии анклавному образу жизни мигрантов в Российской Федерации

Леонид А. Кононов

*Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
Москва, Россия, kononov50@bk.ru*

Аннотация. В последние годы государства, в том числе Россия, столкнулись с нежеланием многих мигрантов интегрироваться в принимающее общество, стремлением мигрантов к проживанию в анклавах. Наличие большого числа анклавов, состоящих из иммигрантов, нарушает стабильность в странах, тормозит социально-экономическое развитие обществ и представляет угрозу национальной безопасности. В этой связи противодействие анклавам, состоящим из иммигрантов, представляет собой важную государственную задачу, требующую теоретического осмысления.

В статье автором проанализированы причины роста анклавов мигрантов; обозначены основные угрозы, исходящие со стороны таких анклавов; разработаны теоретические положения об анклавах мигрантов; приведена авторская типология анклавов мигрантов; разработан методический подход противодействия образу жизни мигрантов в анклавах. Работа носит концептуально-прикладной характер, содержит авторские рекомендации уполномоченным государственным органам Российской Федерации и органам местного самоуправления по регулированию проживания мигрантов в анклавах.

Ключевые слова: миграция, мигранты, миграционная политика, этнические анклавы, анклавы мигрантов, противодействие анклавам мигрантов

Для цитирования: Кононов Л.А. Развитие теоретических положений о противодействии анклавному образу жизни мигрантов в Российской Федерации // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 59–69. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-59-69

Development of theoretical provisions on counteracting the enclave way of life of migrants in the Russian Federation

Leonid A. Kononov

*Militari University of the Ministry of the Russian Federation,
Moscow, Russia, kononov50@bk.ru*

Abstract. In recent years, states, including Russia, have faced the reluctance of many migrants to integrate into the host society, the desire of migrants to live in enclaves. The presence of a large number of enclaves consisting of immigrants violates stability in countries, inhibits the socio-economic development of soci-

eties and poses a threat to national security. In this regard, countering enclaves consisting of immigrants is an important state task that requires theoretical understanding.

In the article by the author: the reasons for the growth of migrant enclaves are analyzed; the main threats posed by such enclaves are outlined; theoretical provisions on migrant enclaves were developed; the author's typology of migrant enclaves is presented; a methodological approach has been developed to counter the lifestyle of migrants in enclaves. The work is conceptually applied in nature, contains author's recommendations to the authorized state bodies of the Russian Federation and local authorities on state regulation of the residence of migrants in enclaves.

Keywords: migration, migrants, migration policy, ethnic enclaves, migrant enclaves, countering the migrant enclaves

For citation: Kononov, L.A. (2021), "Development of theoretical provisions on counteracting the enclave way of life of migrants in the Russian Federation", *Ethnopolitics Issues*, no. 3, pp. 59–69, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-59-69

По нашему мнению, основная причина формирования анклавов мигрантов заключается в проживании их на чужой территории в чуждой антропогенной среде, где вполне естественным являются острые противоречия между мигрантами и местным населением. Местное население, в большинстве своем, воспринимает мигрантов как носителей чуждой культуры, источник распространения преступлений, причину потери рабочих мест и снижения оплаты труда, угрозу распространения инфекционных заболеваний. В свою очередь и мигранты, видя негативное отношение к себе со стороны основной массы местного населения, ведут себя порой дерзко по отношению к нему, попирают местные традиции, культуру и законы страны приема. Таким образом, отсутствие у иммигрантов глубоких социальных корней на новом месте жительства и своей территории традиционного проживания, а также трудно преодолимые культурные и социально-экономические барьеры между ними и местным населением вынуждают мигрантов объединяться, чтобы коллективно решать общие проблемы. По словам некоторых ученых: «стремление к социальному, экономическому объединению воспринимается мигрантами как возможность сохранить свои обычаи, язык, религиозные предпочтения в чуждой для них среде» [Мельникова 2017, с. 329].

Опыт продолжительного проживания иммигрантов в анклавах породил неожиданный для многих феномен – нежелание безвозвратных мигрантов и их потомков, получивших гражданство страны приема, встраиваться в структуру политических, экономических и социально-культурных связей местного социума, и стремление их к ведению анклавного образа жизни среди своих единомышленников и этнических групп. Это обстоятельство во многом способствует *резкому росту анклавов мигрантов во многих странах мира*. Например, в западных государствах: Великобритании, Германии, Италии, Франции и др., рост числа анклавов, состоящих из иммигрантов, нарушает

стабильность, тормозит социально-экономическое развитие общества и представляет угрозу национальной безопасности. В этой связи противодействие анклавному образу жизни мигрантов представляет собой проблему государственного масштаба, требующую теоретического разрешения.

В России тоже существует проблема анклавов, в стране наблюдается отсутствие заинтересованности большого числа иностранных граждан в изучении русского языка, адекватном восприятии российских культурных ценностей и принятых нормах поведения. Их нежелание адаптироваться и интегрироваться в общество во многом вызвано стремлением проживать в анклавах, где они чувствуют себя более комфортно. Способствует этому и рост потоков в страну мигрантов. Однако по мере увеличения в анклавах мигрантов обостряются противоречия между самими мигрантами и между мигрантами и местным населением. В результате на территориях анклавов формируется устойчивая конфликтная среда – угроза нарушения стабильности. Чем больше в страну прибывает мигрантов из-за рубежа, тем масштабнее становятся анклавы мигрантов и выше уровень опасности, исходящей с их стороны. Это подтверждает и библиографическое исследование активности освещения проблем этнических анклавов в научной литературе. Автор исследования Е.А. Трушкова обратила внимание на то, что многие исследователи определяют поднятую нами проблему как одну из наиболее острых проблем современности. По ее мнению, в Российской Федерации происходит обострение этносоциальных процессов в местах, подвергающихся полномасштабной анклализации мигрантских сообществ [Трушкова 2018]. Однако следует признать, что в теоретическом плане данное явление пока слабо изучено и налицо необходимость восполнения этого пробела.

Термин «анклав» происходит от лат. *inclavatus* и дословно означает «закрытый, запертый»¹. В политике его часто применяют для обозначения части территории государства, полностью окруженной территорией другого государства. В последние годы термин «анклав» стал применяться в отношении к мигрантам, его нередко используют в миграционной политике. Однако пока данный термин не нашел своего научного и правового закрепления в нормативной правовой базе Российской Федерации, поэтому раскрытие понятия «анклав мигрантов», его научное и правовое закрепление представляет проблему не только практического, но и научного характера. В современной энциклопедической литературе используется близкое по смыслу понятие «этнический анклав» – небольшая часть географической территории с высокой этнической концентрацией, характерной культурной самобытностью и экономической деятельностью. Опираясь на данную дефиницию, дадим следующее определение искомому понятию. Под **анклавом мигрантов** предла-

¹Картаслов.Ру – Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. URL: kartaslov.ru>значение-слова/анклав (дата обращения 26.03.2020).

гаем понимать сообщество иммигрантов, компактно пребывающих / проживающих на ограниченной территории с присущими сообществу социально-экономическими связями и отношениями (производственные, родственные, бытовые и иные). Данное определение достаточно полно отражает суть исследуемого феномена, поэтому, полагаем, его можно использовать для нормативного закрепления в перспективной Концепции миграционной политики Российской Федерации.

В России наблюдается значительная концентрация иммигрантов в ряде территорий, которые подпадают под сформулированное нами определение анклавов мигрантов. Такие анклавы существуют в Краснодарском крае, г. Москве и Московской области, г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Свердловской и Тюменской областях. Этнические анклавы мигрантов зафиксированы и в Челябинской области. В Тульской области получила широкий общественный резонанс ситуация с созданием киргизского анклава на территории Заокского района. Имеется ряд других примеров анклавного проживания иностранных граждан на территориях субъектов Российской Федерации. Полагаем, в России процессы формирования анклавов мигрантов будут развиваться и дальше, по нашему мнению, особенно ощутимо это станет после преодоления кризиса, связанного с пандемией COVID-19, тогда, на наш взгляд, вновь возрастут потоки мигрантов в мире, и есть опасения, что в недалекой перспективе Российская Федерация может столкнуться с серьезной проблемой противодействия анклавному образу жизни мигрантов.

Иммигранты разных стран в различной степени склонны к анклавному образу жизни. Так, в современной России традиционно склонны к компактному проживанию граждане Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана, Кыргызстана и Китайской Народной Республики, и в редких случаях это происходит с гражданами Казахстана, Армении, Молдовы, Украины и Вьетнама, поэтому при регулировании проживания мигрантов в анклавах необходимо учитывать и это обстоятельство.

Анклавы мигрантов представляют собой источники многочисленных опасностей и угроз. Во многих анклавах мигрантов почти не действует законодательство страны приема, нарушаются права мигрантов, жители анклавов в основном исповедуют образ жизни страны исхода, на территориях анклавов доминируют прежние привычки мигрантов, их язык и религия. Отношения во многих анклавах выстраиваются по криминальным понятиям, там преобладают рабский труд и рабские отношения. В странах приема мигрантов анклавы чем-то напоминают черные дыры: втягивают в свою орбиту все новые и новые партии иммигрантов, расширяясь территориально и увеличиваясь количественно. Постепенно они становятся политической силой, способной влиять на политический процесс в муниципалитете, районе и даже стране приема. Анклавы мигрантов часто становятся очагами организации незаконной миграции, криминальных миграционных отношений, распространения инфекционных заболеваний, миграционного экстремизма и терроризма. В замкнутых

анклавах мигрантов на территории Российской Федерации действует своя неформальная юрисдикция, там полностью игнорируются общепринятые правила поведения, федеральные, региональные законы и муниципальные нормы, данные территории выпадают из единого культурно-правового пространства страны приема, что ведет к дестабилизации обстановки в стране и представляет угрозу ее национальной безопасности.

С учетом опасности, исходящей со стороны многих анклавов мигрантов, актуализируется проблема государственного и муниципального регулирования анклавного образа жизни мигрантов в целях снижения уровня опасности и обеспечения прав человека. Таким образом, налицо потребность введения в политический оборот еще одного понятия, а именно «регулирование анклавного образа жизни мигрантов». Под ним предлагается понимать *целенаправленное воздействие на организацию анклава и проживающих в нем мигрантов в интересах обеспечения прав человека и снижения рисков проявления деструктивных явлений и событий, связанных с участием в них мигрантов анклава*. В данном определении под организацией анклава предлагается понимать структурную и функциональную организацию этого феномена.

Регулирование следует осуществлять с учетом многих факторов, включая и этнокультурную идентичность мигрантов, ориентированных на долгосрочное или постоянное проживание [Madiukova, Persidskaia 2017, pp. 983–994]. Учитывая многообразие действующих в современном мире анклавов, необходимо привести их типологии.

Типология анклавов мигрантов

(авторский вариант)

По количеству мигрантов анклавы предлагается подразделять на:

- крупные анклавы – более 1000 чел.;
- средние – от 100 до 1000 чел.;
- мелкие анклавы – от 10 до 100 чел.

По видам иммиграционных потоков, формирующих анклавы, анклавы могут быть:

- с доминированием в анклаве иностранных граждан;
- с доминированием в анклаве внутренних мигрантов;
- смешанного типа анклава мигрантов.

По странам исхода мигрантов:

- доминируют выходцы из _____ страны;
- доминируют выходцы из _____ страны;
- смешанное присутствие мигрантов из разных стран без признака доминирования.

По доминирующему виду мигрантов в анклаве:

- доминируют трудовые мигранты;
- доминируют переселенцы;
- доминируют вынужденные мигранты;
- смешанные анклавы без признака доминирования (процентное соотношение видов мигрантов).

По масштабам занимаемой территории:

- обширные анклавы – площадь размещения составляет от одного квадратного километра и более;
- среднemasштабные – площадь анклава составляет от одного гектара до одного квадратного километра;
- малоплощадные анклавy – площадь анклава составляет менее одного гектара.

По глубине анклализации мигрантов анклавy могут быть:

- со слабо выраженной глубиной;
- с повышенной глубиной;
- миграционным гетто – с глубокой степенью анклализации мигрантов.

Понятие «глубина анклализации мигрантов» вводится автором для оценки устойчивости анклава к внешним воздействиям, в первую очередь, к возможным мерам воздействия на анклав со стороны государства. *Анклавы с низким уровнем глубины анклализации мигрантов* имеют достаточно слабые межмигрантские связи и связи мигрантов с анклавом, поэтому такие анклавy относительно легко могут поддаться воздействию со стороны государства, муниципального образования и безболезненно для мигрантов и общества быть ликвидированы или же встроены государством в структуру политических, социально-экономических связей, действующих на территории вселения. *Анклавы с повышенной глубиной анклализации мигрантов* имеют относительно устойчивую внутреннюю структуру со сложившимися иерархическими элементами и связями. В них сформировались обычаи анклава, традиции и моральные нормы поведения мигрантов, которые неукоснительно соблюдаются мигрантами. Этот вид анклавов представляет определенную опасность государству и обществу, поэтому требует повышенного внимания со стороны государства, а именно целенаправленной и плановой работы по защите прав человека и обеспечению безопасности. *В миграционном гетто* действует более жесткий режим пребывания мигрантов, там создан и функционирует механизм наказаний за отклонение нравственных линий поведения мигрантов от установленных в анклаве моральных норм. На их территориях, как правило, преобладают рабский труд и рабские отношения. Такие анклавy представляют собой государство в государстве. В них действуют свои законы и культурные нормы поведения, усилиями авторитетных мигрантов рядовые члены анклавов максимально отстранены от контактов с местным населением и представителями власти. Там чаще всего распространяются экстремистские взгляды и учения. Этот вид анклавов представляет значимую угрозу государству и обществу, поэтому должен быть подвергнут ликвидации.

По доминирующим мотивам анклавного образа жизни мигрантов анклавy могут быть:

- этническими;
- религиозными;
- экономическими;
- созданы по другим мотивам.

По уровню опасности для принимающего общества (опасность, угроза):

- анклав представляет опасность обществу;
- анклав представляет угрозу обществу;
- анклав не представляет опасности и угрозы обществу.

По доминирующему виду опасности, исходящей со стороны анклава:

- доминирует опасность распространения террористической угрозы;
- доминирует опасность распространения экстремизма (религиозный, этнический, бытовой и др.);
- доминирует опасность возникновения массовых беспорядков;
- доминирует опасность распространения преступности;
- доминирует опасность распространения инфекционных заболеваний;
- смешанные угрозы без признака доминирования.

По уровню социально-экономической значимости для принимающего общества:

- анклав мигрантов вносит существенный вклад в социально-экономическое развитие территории;
- анклав не вносит существенного вклада в социально-экономическое развитие территории.

По доминирующим отношениям в анклаве:

- дружеские;
- добрососедские;
- враждебные:
 - а) между этносами;
 - б) между различными религиозными группами;
 - в) между кланами (родственными группами иммигрантов);
 - г) между группировками, борющимися за влияние в анклаве.

По доминирующему этносу в анклаве:

- в анклаве доминирует определенный этнос _____;
- в анклаве доминируют несколько этносов.

По доминирующей религии в анклаве:

- христианская (православная, католическая, другие разновидности христианской религии);
- мусульманская (шеиты, сунниты, другие разновидности мусульманской религии);
- буддизм (разновидности буддизма);
- иудейская;
- другие религии.

По доминирующим трудовым отношениям в анклаве:

- рабский труд и рабские трудовые отношения;
- свободный труд и уважительные отношения.

Автор отдает себе отчет, что предложенная типология не является завершенной (требуется ее совершенствование), но уже в таком виде она позволяет систематизировать процесс изучения анклавов мигрантов и оценивать их текущее состояние по отмеченным выше характерным признакам. Например, в результате мониторинга установлено, что исследуемый анклав мигрантов по состоянию на

« » _____ XXXX г. характеризуется следующими показателями: а) анклав относится к классу средних анклавов (от 100 до 1000 чел.); б) в нем доминируют иностранные граждане; в) в основном это выходцы из _____ стран(ы), привести проценты пребывания мигрантов из разных стран; г) в анклаве доминируют трудовые мигранты (привести проценты по видам мигрантов) и т. д.

Результаты мониторинга позволяют сформировать представление об изучаемом анклаве мигрантов и приступать к разработке мер регулирования анклавного образа жизни мигрантов. Характеристика анклавов мигрантов по предложенной схеме может осуществляться в масштабах страны, субъекта Российской Федерации и отдельно взятого муниципального образования.

Регулирование анклавного образа жизни мигрантов – чрезвычайно сложная задача для органов государственного и особенно муниципального управления. Автором предлагается методический подход ее решения.

1. Регулирование целесообразно начать с проведения *обзорного мониторинга* территории страны, субъекта федерации, муниципального образования с целью выяснить, есть ли анклавы мигрантов на этих территориях? Обзорный мониторинг следует организовать по линии компетентных органов, региональных властей, органов местного самоуправления, НКА, диаспор мигрантов, общественных организаций, работающих с мигрантами, и религиозных объединений. По результатам обзорного мониторинга предлагается получить ответы на следующие вопросы: сколько: крупных, средних и мелких анклавов мигрантов сформировано на территории страны, субъекта федерации, муниципального образования, где территориально расположены эти анклавы, каковы их масштабы? Полученную информацию целесообразно нанести на карту. Это сформирует обзорную картину об анклавах мигрантов на исследуемой территории.

2. На следующем этапе целесообразно организовать и провести *детальный мониторинг* анклавов мигрантов, выявленных в ходе обзорного мониторинга. В процессе детального мониторинга следует охарактеризовать каждый анклав по предложенной выше типологии и, в первую очередь, уяснить, какие анклавы *не представляют опасности обществу, но при этом вносят вклад в социально-экономическое развитие территорий*, а какие анклавы мигрантов *представляют опасность или реальную угрозу принимающему обществу*.

3. Третий шаг связан с регулированием анклавного образа жизни мигрантов на основе результатов обзорного и детального мониторинга. По нашему мнению, анклавы, *не представляющие опасности обществу, но при этом вносящие существенный вклад в социально-экономическое развитие территорий*, имеют право на существование при условии контроля за образом жизни мигрантов в анклаве со стороны государства, органов местного самоуправления, общественных организаций и религиозных объединений. Такие анклавы могут выполнять роль временных площадок адаптации и интеграции мигрантов, позволяющих быстрее освоиться им в новой обстановке. В этих анклавах целесообразно применять мягкие меры регулирова-

ния анклавного образа жизни мигрантов, в основном в виде государственного, муниципального и общественного содействия мигрантам по решению миграционных проблем. При этом важно всячески противодействовать перерастанию таких анклавов в анклав, представляющие опасность или угрозу принимающему обществу. Здесь широко могут применяться меры всевозможных предупреждений, запретов на определенные виды деятельности, привлечения виновных лиц к административной и даже уголовной ответственности, депортации и административного выдворения, запрета на въезд, а также меры специального характера.

Анклавы, представляющие реальную угрозу принимающему обществу, на наш взгляд, должны подлежать ликвидации или, на первое время, хотя бы быть нейтрализованы. Регулирование образа жизни мигрантов в таких анклавах может осуществляться в форме **противодействия анклавизации мигрантов**. Противодействие предлагается рассматривать с двух сторон: предотвращение анклавизации мигрантов и деанклавизация мигрантов. Мерами *предотвращения* могут быть: принудительное расселение пребывающих в анклав мигрантов по различным субъектам Федерации, различным муниципальным образованиям, различным территориям муниципального образования, различным домам и домовым хозяйствам. Кроме того, могут практиковаться предложения мигрантам, пребывающим в анклавах, и их детям более выгодных социальных, экономических условий для проживания вне анклавов, а также другие меры.

Термин «деанклавизация мигрантов» предлагается автором ввести в научный оборот. По нашему мнению, данный термин означает *целенаправленное разрушение анклавного образа жизни мигрантов посредством применения разработанных для этого мер*.

Мерами *деанклавизации мигрантов* могут быть: обращение федеральных, региональных органов власти, органов местного самоуправления к мигрантам, проживающим в анклавах, с предложением переселения их на другие территории, предоставлением на новом месте более выгодных условий работы и социального обеспечения их детей; проведение агитационно-пропагандистской работы среди мигрантов с показом преимуществ проживания их вне анклавов. Для каждой категории мигрантов целесообразно принимать свойственные им меры деанклавизации. Так, трудовые мигранты склонны к более выгодным предложениям по трудоустройству, для вынужденных мигрантов это могут быть предложения по улучшению бытовых условий, для переселенцев – улучшение условий быта и повышение оплаты за труд на других территориях. Знание потребностей различных категорий мигрантов может лечь в основу дифференцирования предложений мигрантам по выходу их из анклавов. Необходимо также выяснить доминирующие причины анклавизации мигрантов, понять, по каким мотивам мигранты объединились в тот или иной анклав: по религиозным, этническим, трудовым, бытовым или иным мотивам? Дифференцированный подход к деанклавизации мигрантов с учетом различных их категорий позволит экономить средства на деанклавизацию.

На пути деанклавизации также возможно *принятие радикальных мер* в виде решений органов государственной власти, органов местного самоуправления о разрушении инфраструктуры, формирующей анклавный образ жизни мигрантов (примером тому может служить прекращение работы Черкизовского рынка в г. Москве, приведшее к распаду анклава мигрантов, работающих на этом рынке). Размывание анклава также можно осуществить посредством привлечения его идейных вдохновителей и управленцев к уголовной ответственности за нарушения российского законодательства или принудительно-го выдворения с дальнейшим запретом на въезд и последующей заменой выбывших мигрантами, лояльными государству (органу местного самоуправления). Могут применяться и специальные меры радикального характера.

Полагаем, предложенный автором методический подход может быть полезен для организации деятельности государства и органов местного самоуправления по регулированию анклавного образа жизни мигрантов. В перспективе данная методика может совершенствоваться и стать более эффективной.

В совокупности сформулированные в статье теоретические положения и методический подход представляют собой авторские концептуальные разработки по противодействию анклавному образу жизни мигрантов в Российской Федерации, которые можно рассматривать в качестве первоначальной методической основы формирования государственной политики Российской Федерации по решению обозначенной проблемы.

Литература

- Мельникова 2017 – *Мельникова А.С.* Изучение факторов формирования национальных анклавов в условиях мегаполисов [Электронный ресурс] // Ключевые слова: мигранты, национальный анклав, 2017. С. 329. URL: https://www.8udf2_065.pdf УДК: 314.748 (дата обращения 02.01.2020).
- Трушкова 2018 – *Трушкова Е.А.* Феномен этнических анклавов и его отражение в научных исследованиях. 2018. С. 381 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.308> (дата обращения 02.02.2020).
- Madiukova, Persidskaia 2017 – *Madiukova S.A., Persidskaia O.A.* Ethnic enclaves as a social and territorial phenomenon (based on the city of Novosibirsk) // *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta, ser. Humanities.* 2017. Vol. 10. No. 7. P. 983–994.

References

- Melnikova, A.S. (2017), "Studying the factors of formation of national enclaves in the conditions of megacities" [Electronic resource], *Keywords: migrants, national enclave*, p. 329. URL: https://www.8udf2_065.pdf UDC: 314.748 (accessed 02.01.2020).
- Trushkova, E.A. (2018), The phenomenon of ethnic enclaves and its reflection in scientific research, p. 381 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.308> (accessed 02.02.2020).

Madiukova, S.A., Persidskaia, O.A. (2017), "Ethnic enclaves as a social and territorial phenomenon (based on the city of Novosibirsk)", *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta, ser. Humanities*, vol. 10, no. 7, pp. 983–994.

Информация об авторе

Леонид А. Кононов, доктор политических наук, профессор, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, Большая Садовая ул., д. 14; kononov50@bk.ru

Information about the author

Leonid A. Kononov, Dr. of Sci. (Political), professor, Military University of the Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 14, Bolshaya Sadovaya Street, Moscow, Russia, 123001; kononov50@bk.ru

Технология организованного набора как инструмент содействия адаптации трудовых мигрантов из стран Средней Азии

Мария А. Костеева

Независимый эксперт, Москва, Россия, kosteevama@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования и реализации работы системы организованного набора трудовых мигрантов. Организованный набор как новая технология привлечения трудовых мигрантов осуществляется в Российской Федерации с 2018 г. Основной целью организованного набора является подготовка в комплексных доиммиграционных центрах и направление на работу в Российскую Федерацию граждан стран Содружества Независимых Государств (СНГ).

Оргнабор – это комплекс мероприятий по отбору и подготовке востребованных трудовых мигрантов, оформлению и сопровождению их трудовых отношений с заинтересованными российскими работодателями. Оргнабор – сложный процесс согласованного взаимодействия работодателя, трудовых мигрантов, кадровых агентств, центров профподготовки и других организаций – участников оргнабора, и является важным инструментом содействия адаптации трудовых мигрантов, поскольку трудовой мигрант прибывает по оргнабору на подготовленное и заранее согласованное рабочее место, а работодатель получает востребованного работника и заинтересован в создании необходимых социально-бытовых и иных условий для его скорейшей адаптации.

В статье анализируются проблемы, с которыми столкнулись организаторы данной схемы привлечения трудовых мигрантов, и причины фактического провала оргнабора, который за три года реализации так и не смог превратиться в действующую отлаженную систему.

В завершении статьи автор предлагает рекомендации по совершенствованию системы организованного набора.

Ключевые слова: организованный набор мигрантов, доиммиграционная подготовка, миграционная политика, иностранная рабочая сила, центры адаптации, квотирование рабочей силы, частные агентства занятости

Для цитирования: Костеева М.А. Технология организованного набора как инструмент содействия адаптации трудовых мигрантов из стран Средней Азии // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 70–79. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-70-79

Organized recruitment technology as a tool to facilitate adaptation of labor migrants from Central Asia

Maria A. Kosteeva

Independent expert, Moscow, Russia, kosteevama@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation and implementation of the organized recruitment system. Organized recruitment as a new technology for attracting labor migrants has been carried out in the Russian Federation since 2018. The main purpose of the organized recruitment is training in complex pre-immigration centers and sending citizens of the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) to work in the Russian Federation. An organizational recruitment is a set of measures for the selection and training of demanded labor migrants, registration and maintenance of their labor relations with interested Russian employers. Organizational recruitment is a complex process of coordinated interaction between the employer, labor migrants, recruitment agencies, vocational training centers and other organizations participating in the organizational recruitment. Organizational recruitment can become an important tool for facilitating the adaptation of labor migrants in the Russian Federation, since a labor migrant arrives according to an organizational recruitment at a prepared and previously agreed workplace, and the employer, having received a demanded employee, is interested in creating the necessary social, household and other conditions for his early adaptation. The article analyzes the problems faced by the organizers implementing this scheme for attracting labor migrants. The reasons for the actual failure of the organizational set, which for three years of implementation could not turn into a functioning debugged system. At the end of the article, the author offers recommendations for improving the organized recruitment system.

Keywords: organized recruitment of migrants, pre-immigration training, migration policy, foreign labor force, adaptation centers, labor force quotas, private employment agencies

For citation: Kosteeva, M.A. (2020), "Organized recruitment technology as a tool to facilitate adaptation of labor migrants from Central Asia", *Issues of ethno-politics*, no. 3, pp. 70–79, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-70-79

Анализ накопленного опыта и текущей деятельности по организованной международной трудовой миграции показывает, что в настоящее время отсутствуют эффективные формы работы как в части поиска и подбора востребованных специалистов из числа иностранных граждан, их профессиональной подготовки и аттестации, так и в части реализации процессов привлечения этих работников в организованной форме, что предполагает наличие планового порядка работы и жесткой ответственности сторон за качество своей работы.

Согласно официальным данным МВД России, в 2020 г. количество трудовых мигрантов в стране составляло порядка полутора миллионов человек. Однако из отчета ООН видно, что число ино-

странных граждан в России в разы больше – порядка 12 млн, что, как можно предположить, свидетельствует об огромном сегменте «нелегальной миграции».

До начала пандемии и принятия ограничительных мер в марте 2020 г. миграционная ситуация в России характеризовалась интенсивностью миграционных потоков, о чем было изложено в Концепции государственной миграционной политики на 2019–2021 гг., утвержденной 31 октября 2018 г. Среди иностранных граждан, привлекаемых российскими работодателями, значительную долю составляют низкоквалифицированные работники. Больше всего мигрантов прибывает из Узбекистана и Таджикистана, около 38% от общего количества мигрантов. Согласно статистическим данным МВД России¹, в 2019 г. до начала пандемии было поставлено на миграционный учет 4 805 694 граждан Узбекистана и 2 754 915 граждан Таджикистана.

С учетом массовости трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана теоретически решить проблему цивилизованного трудоустройства мигрантов может переход к организованному набору иностранных работников. В приоритете необходимость отладить использование механизма оргнабора для трудовых мигрантов из этих стран.

Международная практика оргнабора базируется на широком использовании в этой деятельности специализированных сервисных организаций (операторов услуг), предоставляющих работодателям услуги по подбору и привлечению в оговоренные сроки необходимого количества мигрантов с требуемыми профессионально-квалификационными качествами.

В международной практике существуют объединения операторов, например IRIS (Международная система добросовестного найма), участники которой действуют на основе кодекса деловой этики и других механизмов контроля качества деятельности членов данного объединения [Потапенкова, Ярмонова 2019, с. 32].

Организованный набор – сложный процесс согласованного взаимодействия работодателя, трудовых мигрантов, кадровых агентств, центров профподготовки и других организаций – участников оргнабора.

Рассмотрим, какие организационные и правовые условия необходимы для его развития.

Основу организованного набора иностранной рабочей силы в РФ составляют:

- востребованность мигрантов на рынке труда, подразумевающая их предварительную ориентированность на работодателя;
- сохранение легального статуса в течение всего периода трудовой деятельности в России;
- способность к адаптации в принимающую социальную среду.

Организованный набор трудовых мигрантов представляет собой деятельность по реализации комплекса организационных, правовых

¹ Информация, размещенная на официальном сайте МВД России.

и информационных мер, позволяющих осуществлять на территории иностранного государства (без въезда на территорию Российской Федерации) максимальное количество процедур в целях оформления миграционного статуса потенциального трудового мигранта, обеспечивающих «гарантию качества» кандидата с точки зрения безопасности (медицина, терроризм и проч.) и востребованности на российском рынке труда (в том числе квалификация, опыт работы и т. д.).

Участники оргнабора:

- уполномоченные государственные органы и организации;
- российские работодатели;
- граждане Узбекистана, осуществляющие поиск работы;
- российские и зарубежные организации, осуществляющие подбор кадров (кадровые агентства, частные агентства занятости) [Леденева 2019].

Разработка и внедрение процедур оргнабора в практическую деятельность предполагают наличие требований и к другим участникам оргнабора. Это ведет к серьезным изменениям в сложившемся механизме трудоустройства, который сегодня, к сожалению, позволяет недобросовестным работодателям и посредникам наживаться на эксплуатации трудовых мигрантов, поэтому они, естественно, оказывают и будут оказывать всяческое сопротивление нововведениям.

Первое направление. Ключевым условием «государственной» составляющей оргнабора является создание в государствах исхода трудовых мигрантов российских миграционных центров.

Они должны обеспечивать проверку безопасности потенциального трудового мигранта (отсутствие ограничений для въезда по линии правоохранительных органов, отсутствие опасных заболеваний) и реализацию ряда процедур в целях последующего оформления его миграционного статуса.

Второе направление. Необходима модернизация информационно-аналитической системы «Общероссийская база вакансий «Работа в России» (далее – ИАС) в части:

- обеспечения доступности ИАС для всех участников оргнабора, а также заинтересованных государственных органов и организаций;
- открытости информации о потенциальных работодателях и кандидатах на трудоустройство (степень открытости данных может быть разграничена в зависимости от регистрации в ИАС соискателей и работодателей).

Конечным результатом могло бы стать создание «цифрового профиля» иностранного гражданина, в том числе трудового мигранта.

Цифровая платформа управления организованным набором иностранных граждан должна предусматривать создание личного кабинета трудового мигранта, интегрированного с единым личным кабинетом иностранного гражданина, обеспечивающего доступ заявителей к получению услуг, текущему статусу предоставления услуг, истории обращений за получением услуг независимо от того, посредством какого способа (формы) и каким органом (организацией) предоставляется услуга.

Третье направление. Формирование в России сообщества ответственных операторов услуг остается одним из ключевых условий успешного оргнабора. Первый шаг в этом направлении – введение обязательной регистрации/аккредитации указанных операторов, а также требований к квалификации их сотрудников. При этом целесообразно исключить из числа операторов физических лиц и иностранных юридических лиц.

Оргнабор может стать значимым инструментом содействия адаптации трудовых мигрантов в Российской Федерации, поскольку такая схема предполагает легальное пребывание работника и ответственность работодателя за своего работника. Именно такие условия позволят мигрантам как можно скорее адаптироваться к новой обстановке и бесконфликтно проживать в России, что является основой миграционной и национальной безопасности.

Важнейшим необходимым условием адаптации и интеграции мигрантов является их законный правовой статус. К сожалению, действующее миграционное, трудовое, налоговое законодательство, и особенно правоприменительная практика, имеют сложный и порой запутанный характер. Прохождение иностранных работников через систему оргнабора гарантирует им легальное пребывание на территории РФ, что во много раз повышает возможности к адаптации в российское общество.

Важной частью оргнабора является повышение доли квалифицированных работников в потоке трудовой миграции. Очевидно, что работа трудовых мигрантов в России в качестве востребованных квалифицированных специалистов повышает их возможности для адаптации, а в дальнейшем – и для интеграции в российское общество.

Еще одна причина необходимости введения оргнабора – присутствие на российском рынке труда значительного количества нелегальных и неквалифицированных трудовых мигрантов. При этом, согласно прогнозу Минэкономразвития РФ, важнейшим направлением миграционной политики в долгосрочной перспективе остается привлечение с учетом потребности рынка труда иностранных квалифицированных и высококвалифицированных специалистов. Для этого предлагается использовать дистанционный способ подтверждения квалификации на основе опыта работы или специализации, что позволит активизировать в государствах выезда трудовых мигрантов работу по профессиональной подготовке и аттестации в соответствии с запросами работодателей.

Но, по мнению экспертов, полностью решить проблему нелегальной миграции оргнабор вряд ли поможет, поскольку значительная часть российского рынка – это средние и мелкие предприятия, тогда как позволить себе дополнительные расходы по найму трудовых мигрантов могут лишь крупные компании. На первом этапе это организация подбора персонала в другом государстве или даже нескольких государствах. Далее идут оформление всех необходимых документов, прохождение рабочими медицинского осмотра, организация перелета, регистрация и решение вопросов жилья. Наконец, официальное трудоустройство, которое подразумевает не только

выплаты в социальный фонд и налоговую службу, но и предоставление гарантированного социального пакета.

На сегодняшний день межправительственные соглашения об оргнаборе трудовых мигрантов у России имеются с Узбекистаном (подписано в апреле 2017 г.) и Таджикистаном (подписано в декабре 2019 г.).

За три года реализации соглашения (2018–2020 гг.) узбекской стороне удалось сформировать основу инфраструктуры содействия своим гражданам в трудоустройстве в РФ. Речь идет о специализированных частных агентствах занятости (ЧАЗах), центрах предвыездной подготовки, комплексе льгот для участников оргнабора, системе контроля и мерах ответственности за оказание некачественных услуг. А вот российской стороной за этот же период не подготовлена «дорожная карта» по реализации соглашения для создания механизма привлечения из Узбекистана востребованных трудовых ресурсов. Поскольку в современных условиях какая-либо приемлемая альтернатива оргнабору отсутствует, опыт работы по оргнабору в рамках межправительственного соглашения между Россией и Узбекистаном показывает наличие трудностей и проблем в процессе его осуществления. Например, в Санкт-Петербурге из заявленных 50 000 трудовых мигрантов, которых планировалось принять по оргнабору в 2018 г., реально прибыло около 2000 человек, а по некоторым данным и вовсе только 500 человек.

На практике система организованного набора мигрантов так и не заработала, так как невыгодна ни работникам, ни работодателям, чему есть объективные причины.

1. Несмотря на то что изначально были достаточно крупные заказы на иностранных работников со стороны российских компаний, в итоге оказалось, что оргнабор принес им лишь дополнительные проблемы правового и финансового характера. То есть стало очевидным, что целесообразнее набирать иностранных рабочих непосредственно в России, а не начинать заниматься их подготовкой в странах исхода.

2. Одна из важных проблем, с которой столкнулись организаторы оргнабора уже по итогам самого первого года осуществления организованного набора с Узбекистаном, – уход отобранных и согласованных с целевым работодателем трудовых мигрантов к другим работодателям в первые 1–2 месяца после приезда в Россию. Мигранты, которые приезжали по оргнабору, просто сбегали от официального работодателя. Наниматель помогает мигрантам приехать в Россию, помогает с оформлением документов, легальным трудоустройством, платит достойную зарплату, предоставляет жилье и т. д., при этом мигранты, получив информацию, что на соседнем производстве более выгодные условия или там больше платят, бросают своих официальных работодателей. По сути, приезжающих мигрантов – участников оргнабора обрабатывают их соотечественники на предмет ухода на другую работу. В результате 30–50% от группы отобранных за рубежом и согласованных с работодателем мигрантов работодатель теряет на начальном этапе. Поскольку заявки

работодателя носят актуальный, а порой и срочный характер, такая ситуация подрывает смысл работы по оргнабору и не только не способствует процессам адаптации, но подрывает их. Все упирается в трудовое законодательство, а именно в отсутствие механизмов, предусматривающих предупреждение нарушений трудовых договоров со стороны мигрантов.

3. Отсутствие заинтересованности у мигрантов. Как показал опыт, несмотря на возможности легального трудоустройства, многие из мигрантов продолжают работать в России нелегально и не оплачивают патент. Конечно, например, в Москве ежемесячный патент стоит свыше пяти тысяч рублей, что для мигрантов достаточно дорого, поэтому многие работают без него. Кроме того, чаще всего мигранты находят работу через родственников и знакомых, эта схема им более понятна. Поэтому оргнабор, который осуществляется фактически через кадровое агентство, себя не оправдал.

Наличие, с одной стороны, крупных компаний, идущих «официальным путем», а с другой – желание мелких и средних предприятий искать рабочую силу непосредственно на месте, способно привести к появлению различных «серых схем», при которых крупные предприятия будут помогать людям перебраться в Россию по оргнабору, а потом с соответствующей маржей начнут распределять этих рабочих по более мелким компаниям. В какой-то мере это будет нарушением законодательства.

Следует отметить, что и мигранты морально готовы к таким вариантам. Случаи когда иностранцы не выполняют свои обязательства в рамках трудового договора с работодателем – не редкость. Однако можно предположить, что ужесточение законодательства может сделать оргнабор еще менее привлекательным для иностранных работников.

Обсуждение вопроса организованного набора в России ведется с середины нулевых годов, но его решение и тогда, и сейчас упирается в отсутствие очевидных выгод как для мигрантов, так и для работодателей.

Возможно, что все-таки более перспективным является путь по формированию дополнительных стимулов легального трудоустройства или, по крайней мере на первом этапе, по снижению бюрократической и финансовой нагрузки на компании-работодателей с тем, чтобы наем иностранных рабочих стал для них менее затратным¹.

Расходы по решению части задач, включая, например, обучение русскому языку, прохождение медосмотров могли бы взять на себя и страны – экспортеры трудовых ресурсов, раз уж данная статья пополнения государственных бюджетов считается важной.

¹ Организованный набор: перспективы перехода к цивилизованным отношениям в сфере трудовой миграции [Электронный ресурс] URL: <https://mediamig.ru/analitika/organizovannyj-nabor-perspektivy-perehoda-k-civilizovannym-otnoshenijam-v-sfere-trudovoj-migracii/> (дата обращения 22.05.2020).

Рекомендации

Для иностранных граждан, работающих на основании патентов и прибывших по оргнабору:

- увеличить срок действия патента до трех лет и снизить размер НДФЛ до 13%;
- реализовать на практике право работодателя платить НДФЛ за работников;
- создать возможность получения патента за пределами России;
- предоставить право находиться в России длительное время без выезда и затем, с учетом наработанного стажа по востребованным на рынке труда профессиям, получить вид на жительство, а при выполнении определенных условий – гражданство.

Для повышения заинтересованности работодателя в оргнаборе:

- оформлять патент с указанием в нем сведений о работодателе (переход к другому работодателю должен быть запрещен, так как именно «привязка» работника к определенному работодателю обеспечивает гарантию трудоустройства и защиты прав работника, а главное – долгосрочные и стабильные трудовые отношения);
- предусмотреть ускоренное оформление патента для мигрантов – участников оргнабора;
- обеспечить получение льгот для работодателя при уплате им соответствующих налогов и/или выплат в фонды социального страхования.

Все это потребует введения на законодательном уровне понятия «организованный набор» и внесения изменений в ряд нормативных правовых актов [Курдюмов 2019, с. 5].

Важно также отметить, что, кроме оргнабора рабочей силы за рубежом, можно и нужно организовать «внутренний оргнабор», сочетающийся с целевой миграционной амнистией. Необходимо предоставить нелегальным трудовым мигрантам возможность урегулировать свой правовой статус при условии выполнения надлежащих формальностей и наличия работодателя, заинтересованного в легальном найме такого работника.

Для создания системы оргнабора предлагаем:

- создание сети специальных центров в России и государствах СНГ, занимающихся организованным набором рабочей силы;
- создание банков данных работодателей, испытывающих потребность в привлечении иностранной рабочей силы;
- ведение реестров жилого фонда для проживания трудовых мигрантов;
- разработку системы предвыездной подготовки потенциальных трудовых мигрантов, включающей их набор, определение профессиональных компетенций и психологического портрета кандидатов для работы в России, оказание помощи в изучении русского языка, истории России, основ законодательства и сдачу экзаменов на получение соответствующего сертификата, диагностику здоровья и приобретение полиса ДМС;

- оказание финансовой помощи мигрантам для поездки на заработки в Россию;
- осуществление правовой поддержки трудовых мигрантов во время их пребывания в России и осуществления трудовой деятельности;
- разработку и внедрение с использованием интернет-технологий системы интегрирования и управления вышеуказанными процессами на базе цифровой платформы.

«Донастройку» технологии организованного набора оптимально осуществлять путем заключения дополнительных протоколов.

При оценке действующих и проектируемых норм соглашений предлагается исходить, в частности, из следующего правила: количество и содержание обязательств российских работодателей по отношению к иностранным работникам не должно превышать их обязательств по отношению к работникам – гражданам России, установленных законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Следует подчеркнуть, что система организованного привлечения иностранных востребованных трудовых ресурсов в РФ создается в первую очередь в интересах российских работодателей. Поэтому с самого начала этой работы необходимо тщательно координировать все усилия по организационному регулированию и правовому реформированию процессов трудовой миграции. Было бы целесообразно, чтобы этот процесс осуществлялся под эгидой авторитетных российских объединений предпринимателей (работодателей). Активное участие прежде всего ТПП РФ, а также региональных и территориальных торгово-промышленных палат во внедрении системы организованного набора станет залогом успеха этого сложного, но чрезвычайно нужного для развития экономики России процесса.

Литература

- Курдюмов 2019 – *Курдюмов Н.В.* На законных основаниях // Путеводитель российского бизнеса. 2019. № 6.
- Леденева 2019 – *Леденева В.Ю.* Организованный набор как механизм содействия адаптации трудовых мигрантов в Российской Федерации // Миграция и социально-экономическое развитие. 2019. Т. 4. № 3. doi:10.18334/migration.4.3.41434.
- Потапенкова, Ярмонова 2019 – *Потапенкова И.В., Ярмонова Е.Н.* К вопросу о формировании механизмов организованного набора трудовых мигрантов в Российской Федерации // Вопросы этнополитики. 2019. № 4. С. 31–39. <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2019-4-31-39>.

References

- Kurdyumov, N.V. (2019), "Na zakonnyh osnovaniyah" [Legally], *Guide to Russian Business*, no. 6.
- Ledeneva, V.Yu. (2019), "Organizovannyj nabor kak mekhanizm sodejstviya adaptacii trudovyh migrantov v Rossijskoj Federacii" [Organized recruitment as a mechanism for facilitating the adaptation of labor migrants in the Russian Federation], *Migration and socio-economic development*, vol. 4, no. 3, doi:10.18334/migration.4.3.41434.
- Potapenkova, I.V., Yarmonova, E.N. (2019), "K voprosu o formirovanii mekhanizmov organizovannogo nabora trudovyh migrantov v Rossijskoj Federacii" [On the formation of mechanisms for the organized recruitment of labor migrants in the Russian Federation], *Ethnopolitical issues*, no. 4, pp. 31–39, <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2019-4-31-39>.

Информация об авторе

Мария А. Костеева, кандидат социологических наук, независимый эксперт, Москва, Россия; kosteevama@gmail.com

Information about the author

Maria A. Kosteeva, Cand. of Sci. (Sociology), independent expert, Moscow, Russia; kosteevama@gmail.com

Конфликтогенные факторы миграции: специфика Дальневосточного федерального округа

Виктория Ю. Леденева

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия, vy.ledeneva@yandex.ru*

Аннотация. В статье проанализированы конфликтогенные факторы миграционных процессов в Дальневосточном федеральном округе, влияющие на изменения не только демографического состава населения, но формирующие новые межэтнические отношения, которые в последнее время чаще всего воспринимаются местным населением негативно и приобретают конфликтогенный оттенок. Особенностью миграционных процессов в ДФО является тот факт, что приток мигрантов происходит на фоне непрекращающегося оттока местного населения славянского происхождения. Такие сдвиги в структуре населения приводят к ухудшению социально-экономической ситуации и межэтническим конфликтам, в которые вовлекаются как внешние мигранты, так и местное население.

Особую роль в трансформации миграционного потока в ДФО сыграли ограничения, введенные правительством в результате пандемии COVID-19. Сформировавшиеся миграционные тренды требуют комплексного подхода к регулированию миграции, которое невозможно обеспечить только одной программой переселения соотечественников в ДФО. К сожалению, каких-либо других государственных программ в сфере миграции на сегодняшний день не существует, что значительно осложняет и без того напряженную ситуацию в регионе. Особый акцент в статье сделан на сфере межэтнических отношений и социальной адаптации мигрантов. Отсутствие внимания региональных властей к решению данных проблем ставит под угрозу не только национальную, но и культурную, и социальную безопасность общества. Автором предложены рекомендации по эффективности проведения политики в сфере межэтнических отношений и адаптации мигрантов.

Ключевые слова: миграция, демография, межнациональные отношения, адаптация мигрантов, мониторинг, пандемия

Для цитирования: Леденева В.Ю. Конфликтогенные факторы миграции: специфика Дальневосточного федерального округа // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 80–90. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-80-90

Conflict-related factors of migration: the specifics of the Far Eastern Federal District

Victoria Yu. Ledeneva

*Institute for Demographic Research, FCTAS RAS, Moscow, Russia,
vy.ledeneva@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the conflict-generating factors of migration processes in the Far Eastern Federal District, which affect not only changes in the demographic composition of the population, but also form new interethnic relations, which have recently been most often perceived by the local population negatively and acquire a conflict-generating connotation. A feature of the migration processes in the Far Eastern Federal District is the fact that the inflow of migrants occurs against the background of the incessant outflow of the local population of Slavic origin. Such shifts in the structure of the population lead to a deterioration of the socio-economic situation and interethnic conflicts, in which both external migrants and the local population are involved.

Formed migration trends require an integrated approach to the regulation of migration, which cannot be provided with only one program for the resettlement of compatriots in the Far Eastern Federal District. Unfortunately, the absence of any other state programs in the field of migration does not exist today, which significantly complicates the already tense situation in the region. Special emphasis in the article is made on the sphere of interethnic relations and social adaptation of migrants. The lack of attention of the regional authorities to solving these problems poses a threat not only to national, but also to the cultural and social security of society. The author offers recommendations on the effectiveness of the policy in the field of interethnic relations and the adaptation of migrants.

Keywords: migration, demography, interethnic relations, adaptation of migrants, monitoring, pandemic

For citation: Ledeneva, V.Yu. (2020), "Conflict-related factors of migration: the specifics of the Far Eastern Federal District", *Issues of Ethnopolitics*, 2020, no. 3, pp. 80–90, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-80-90

Тенденция конфликтогенного потенциала трудовой миграции в мире не нова, но только в условиях глобализации развитого либерально-демократического общества, инфраструктуры, технологий и средств массовой информации приобретает общесоциальный характер, привлекая к данной проблеме не только отдельного человека, но и внимание авторитетных политиков, СМИ, общественных организаций и транснациональных сообществ, которые, в свою очередь, посредством стимулирования той или иной проблемной отрасли миграции зарабатывают капитал, популярность и электорат, необходимый для растущего поля своих интересов и расширения оборота капитала.

Миграционные процессы как индикатор четко выявляют социально-экономическое развитие тех или иных регионов. Миграционная привлекательность региона тесно связана с уровнем дохода,

состоянием рынка труда, факторами социальной, культурной, этнической и религиозной среды [Леденева 2020, с. 128].

Потоки мигрантов демонстрируют, как трансформируется социально-экономическая сфера российского общества. В Дальневосточном федеральном округе эти процессы особенно показательны, так как, с одной стороны, значимость и стратегическое положение округа является особой зоной государственных интересов, с другой стороны, деятельность государства в этом регионе не позволяет фиксировать положительную динамику развития. Несмотря на государственные программы, направленные на экономическое развитие, в регионе продолжается отток населения, на место которого приезжают мигранты из Китая, Средней и Юго-Восточной Азии.

В настоящее время по темпам убыли населения Дальний Восток находится на первом месте среди федеральных округов, что влечет за собой отрицательные последствия экономического, демографического, социального и этнополитического характера.

Относительная динамика численности населения федеральных округов представлена в инерционном сценарии демографического развития. При этом авторы утверждают, что восстановление демографического потенциала ДФО к 2040 г. возможно только при повышении рождаемости до уровня воспроизводства населения (2,15 ребенка на женщину), ожидаемой продолжительности жизни до 80 лет и проведении активной миграционной политики. При этом сальдо миграции в регионы ДФО в 2020-е гг. должно составить не менее 100–120 тыс. человек ежегодно (рис. 1) [Рыбальченко 2016, с. 205].

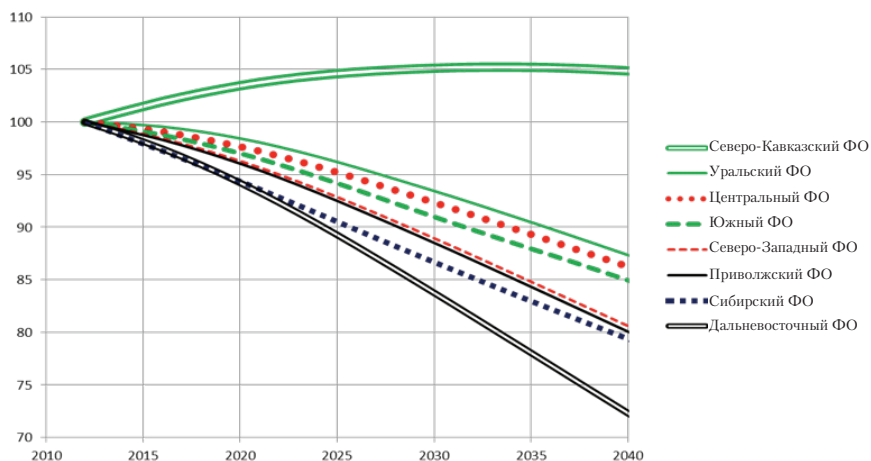

Рис. 1. Относительная динамика численности населения федеральных округов до 2040 г. (инерционный сценарий, 100% – 2012 г.)

В 2018 г. ВЦИОМ провел социологический опрос, по итогам которого были выявлены основные факторы, формирующие негативные миграционные настроения жителей Дальнего Востока¹.

Таблица 1

Основные факторы, формирующие негативные миграционные настроения жителей Дальнего Востока, %

№	Факторы	%
1	Дороговизна жизни	30
2	Низкий уровень развития инфраструктуры	28
3	Уровень доходов	23
4	Неблагоприятный климат	23
5	Некомфортность среды	19
6	Недостаточные возможности для образования детей	18
7	Отсутствие возможностей для самореализации	17
8	Отсутствие возможности для приобретения жилья	13

По данным сайта ГУВМ МВД в 2019 г. на миграционный учет в ДФО поставлены 1 373 758 человек, что на 26% больше чем в 2018 г. С целью «работы» в регион въехали 251 483 человека. Наиболее привлекательные регионы для трудовых мигрантов в ДФО: Амурская область (55 095 чел.), Приморский край (55 702 чел.) и Хабаровский край (35 059 чел.)².

Основная страна, откуда приезжали рабочие по квотам на Дальний Восток в 2019 г., это Китай (27 841 чел.), второе место среди работников-иностранцев в 2019 г. на Дальнем Востоке – у выходцев из Турции (16 206 чел.), третье – у Индии (4077 чел.), четвертое – у Вьетнама (1904 чел.), пятое – у Филиппин (1623 чел.).

¹ Исследование ВЦИОМ проведено по заказу Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке в несколько этапов: 1) всероссийский опрос в ноябре 2016 г. в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках восьми Федеральных округов России. Объем выборки – 1600 человек. Выборка репрезентирует население РФ в возрасте 18 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта. Выборка многоступенчатая стратифицированная [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dalnij-vostok-monitoring-migracionnoj-situaczii> (дата обращения 15.04.2020).

² Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. с распределением по регионам. ГУВМ МВД [Электронный ресурс]. URL <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/> (дата обращения 15.04.2020).

Бизнес, работающий на Дальнем Востоке, идет на массовое привлечение сотрудников из-за рубежа. Падение престижа рабочих профессий и отсутствие постоянных масштабных строек в субъектах ДФО постепенно привели к тому, что организовать выполнение больших контрактов (подобных строительству объектов к саммиту АТЭС-2012 в Приморском крае, строительству нефте- и газопроводов и крупных промышленных объектов) силами только местных специалистов нереально, а приехавшим на заработки по квотам иностранцам можно платить в среднем меньше.

С другой стороны, именно на Дальнем Востоке с 2014 г. действует особый режим привлечения иностранной рабочей силы для предприятий-инвесторов, вкладывающих средства в строительство приоритетных объектов и получивших статус резидентов территорий опережающего развития (ТОР). Работодателям в данном случае не требуется получение разрешения на привлечение и использование иностранных работников, кроме того, если оно выдается, то без учета квот на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию и на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу. С 2015 г. на ДФО выделялось наибольшее количество квот на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу [Аганбегян 2019, с. 168]. В 2020 г. ДФО заявил 41,3 тыс. квот, и это максимальный показатель по федеральным округам.

Показатели внутренней трудовой миграции в ДФО в последние годы обнадеживают. Если в 2017 г. миграционный отток из ДФО составил почти 30 тыс. человек, то в 2019 г. – 11,9 тыс. человек. Это минимальный показатель за все годы. В этом году отток еще сократился. В первом полугодии 2020 г. Дальний Восток покинули 1,6 тыс. человек, тогда как за январь–июль 2019 г. миграционная убыль составила 4,3 тыс. человек.

Быстрые перемены в 2020 г., связанные с пандемией COVID-19, изменили вызовы, возникающие при управлении миграционными процессами.

В первой половине 2020 г. отток населения с Дальнего Востока значительно снизился. С января по июнь 2020 г. с Дальнего Востока выехало 1657 человек, что почти в два с половиной раза меньше, чем в соответствующий период 2019 г. (4355 чел.). Однако, по мнению экспертов, сокращение оттока населения началось еще до принятия ограничительных мер. Такой вывод был сделан на основании сравнения оттока населения по месяцам. Так, в первые два месяца 2020 г. миграционная динамика показывала положительные значения, отток незначительно увеличился только в марте³.

³Отток населения из ДФО сократился в первом полугодии 2020 [Электронный ресурс] URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/28461/> (дата обращения 15.04.2020).

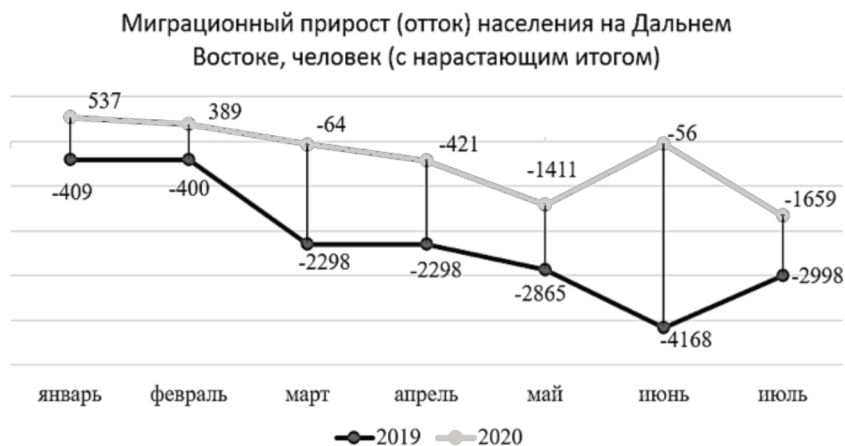

Рис. 2. Миграционная динамика в ДФО
в 2019 г. и первой половине 2020 г.

Ежегодно уезжает порядка 20–30 тыс. человек, приезжает меньше. При этом уезжает население, которое уже адаптировано к условиям жизни на Дальнем Востоке, имеет свой капитал. Новичкам же приходится приспосабливаться к сложным климатическим условиям жизни и обустроиваться на новом месте экономически и социально. Чтобы люди захотели приехать, необходимо создавать рабочие места с высокой зарплатой, развивать инфраструктуру региона, чтобы было где потратить заработанные средства.

В результате введения карантинных мер в 2020 г., существенные изменения произошли не только во внутренней миграции, но и во внешней. Если ранее больше всего квот на иностранную рабочую силу из визовых стран выдавалось Приморскому краю (около 30% от общего количества), то в 2019 г. половину квот получила Амурская область, где началось строительство крупных инвестпроектов: магистрального газопровода «Сила Сибири», Амурского газоперерабатывающего завода, Амурского газохимического комплекса.

Основная масса визовых мигрантов в ДФО – это граждане Китая. В 2019 г. китайцы получили 94,6% квот на разрешение на работу в Приморском крае, 100% в Бурятии, Забайкальском крае и Еврейской автономной области. При этом в Амурской области количество китайских работников значительно сократилось, с 84% в 2017 г. до 15% в 2019 г.⁴ Изменилась и география мигрантов, больше всего прибывало из Турции, Туркменистана, Индии и Сербии.

⁴ Ни своих, ни чужих: как пандемия отразилась на трудовой миграции в ДФО [Электронный ресурс]. URL: <http://vestiregion.ru/2020/11/11/ni-svoix-ni-chuzhix-kak-pandemiya-otrazilas-na-trudovoj-migracii-v-dfo/> (дата обращения 15.04.2020).

Тем не менее основная рабочая сила на Дальнем Востоке – это мигранты из стран СНГ, которые могут въезжать в Россию в безвизовом порядке. В основном это граждане Киргизии, Таджикистана, Армении, Узбекистана. Мигранты работают в сфере строительства, сельского хозяйства, добывающих отраслях, транспорте, сфере услуг. При этом заработная плата не намного отличается от заработной платы российских работников. Сейчас уже мигранты не хотят работать дешево, а требуют вполне себе достойную заработную плату. Китайцы, например, не соглашаются работать за менее одной тысячи долларов.

После введения правительством ограничительных мер значительно сократился поток мигрантов в Россию, а те, кто не успел уехать, вынуждены были подстраиваться под новые условия, выживать в условиях карантина и искать новые возможности заработка.

В 2020 г. из-за пандемии коронавируса закрылись, либо остались без рабочих многие сферы деятельности ДФО, особенно строительство. Однако дефицит рабочей силы в ДФО начал ощущаться еще в 2019 г., когда из-за санкций из региона выехали около 10 тыс. мигрантов из КНДР.

Закрытие границ в марте 2020 г. еще больше обострило обстановку, особенно в сфере сельского хозяйства. Например, в Еврейской автономной области основные квоты на рабочую силу выдавались китайцам, так как большинство арендаторов посевных площадей – это российские и китайские граждане. Но из-за пандемии коронавируса ни те, ни другие не смогли реализовать эти квоты. И если россияне смогли найти выход из сложного положения и привлекли для работы местных жителей, то китайцы – не смогли, многие иностранцы, которых привлекали по квотам, не приехали. Таким образом, большая часть площадей в ЕАО в этом году не была обработана.

Как и везде по стране, серьезные проблемы ощутили владельцы ресторанного бизнеса, особенно популярной на Дальнем Востоке китайской кухни.

В то же время перспективные инвестпроекты не остановились. Например, в строительстве Амурского газоперерабатывающего завода задействованы специалисты из стран дальнего зарубежья. В апреле 2020 г. на ГПЗ работали около 31 тыс. человек, в том числе граждане Италии, Сербии и около 450 граждан КНР. По информации Минвостокразвития, иностранцы продолжили прибывать на стройку, несмотря на пандемию: выдавались специальные разрешения на международные чартерные рейсы.

Закрытие границ позволило искать и находить новые подходы к реализации бизнес-проектов и обратить внимание на сферу привлечения иностранных работников в Россию с пользой для коренного населения.

Иная ситуация складывается относительно мигрантов из стран Центральной Азии. Организованный набор мигрантов не получил распространения в ДФО, как правило, безвизовые мигранты приезжают поодиночке, сами ищут работу, либо устраиваются через знакомых, многие работают нелегально. Но, несмотря на все трудности, количество таких мигрантов в ДФО с каждым годом увеличивается. Только

в Приморском крае на 1 августа состояло на учете 24,4 тыс. граждан Центральной Азии. С целью работы – 22,7 тыс. человек (92,9%). Патенты оформили 12,3 тыс. человек (54,3%), а договоры найма с работодателем смогли заключить лишь 5,4 тыс. человек (44,3%).

Таким образом, 6883 мигранта получили патенты, но не смогли трудоустроиться. 11 343 человека работали без оформления разрешительных документов. В таких обстоятельствах мигранты-безвизовики ощутимой пользы для экономики края не приносят, а наоборот, перебиваясь случайными заработками, соглашаясь на любую работу, снижают стоимость труда для коренного населения, уводят значительные средства от налогообложения. Как следствие – рост социальной напряженности в обществе, недовольство жителей края приезжими мигрантами, возникновение предпосылок для межнациональных конфликтов.

Конфликтогенные факторы, формирующиеся на Дальнем Востоке, можно разделить на три группы.

Первая группа факторов – отношение государства к отдаленным регионам ДФО и регулирование экономических процессов – связана со спадом промышленного производства, отменой части льгот и снижением уровня жизни населения в северных частях региона. Общее сокращение численности населения уже сегодня приводит к образованию «демографического вакуума» на Дальнем Востоке. Однако сегодня государство делает много для того, чтобы привлечь в регион новые трудовые ресурсы и ставит цель новой государственной политики – создать на Дальнем Востоке конкурентоспособные условия инвестирования и ведения бизнеса, благодаря которым в регионе будут открыты новые рабочие места и создано новое качество социальной сферы, формирующие привлекательные условия для жизни людей. Коэффициенты приоритетного финансирования Дальнего Востока применяются в 7 государственных программах Российской Федерации. Однако сегодня пока только 5 из 29 ключевых государственных программ Российской Федерации соответствуют принципу приоритетного финансирования Дальнего Востока.

Вторая группа – неконтролируемые миграционные потоки и неэффективная миграционная политика. Конфликтогенным фактором миграции, безусловно, является приток сельского населения в города. Молодежь выезжает на учебу в крупные города и больше не возвращается в родные села. Отток населения из сел хорошо прослеживается по количеству детей в школах. Потеря сельского населения приводит к разрушению сложившегося уклада жизни, особенно это важно для коренных малочисленных народов, которые также включены в миграционные процессы. Чаще всего молодежь выезжает в Центральный и Северо-Западный федеральные округа. С одной стороны, чтобы удержать молодежь, необходимо повысить качество образования в регионе. С другой стороны, чем лучше будет качество образования при том же экономическом спросе на этих людей, тем выше будет отток образованных людей, так как экономика должна быть способна «поглощать» выпускников этих вузов. А без этого лучшее образование только стимулирует их отъезд.

Серьезной проблемой является складывающаяся ситуация с внешними мигрантами в регионе. С геополитической точки зрения она чрезвычайно опасна, т.к. приток мигрантов из Средней Азии и Китая ежегодно увеличивается, миграционный прирост в среднем составляет 15% ежегодно.

Одной из главных проблем в ДФО остается отсутствие четкого контроля за трудоустройством мигрантов. Потоки мигрантов увеличиваются, а контроля становится меньше. Все это сказывается на налогах, зарплатах и в целом развитии экономики⁵.

Третий конфликтогенный фактор – складывающиеся межэтнические отношения между трудовыми мигрантами и местным населением. Федеральное агентство по делам национальностей, начиная с 2016 г., проводит мониторинг этноконфессиональных отношений.

Как фиксируют данные мониторинга, в некоторых субъектах ДФО наблюдается повышенный (более 7,5%) коэффициент напряженности в части ощущения недоверия или неприязни к себе: Республика Саха (Якутия) – 11%, Чукотский АО – 17%, Забайкальский край – 10%. Что касается второго показателя, то федеральный округ входит в число тех, где местное население больше склонно считать многонациональность негативным фактором, чем позитивным. Несмотря на то что этот показатель не самый большой (средний по России от 20 до 30% по округу), тем не менее есть регионы, где он превышает крайне негативную оценку (более 30%), это Амурская область, Приморский и Камчатский края [Хайкин, Бережкова 2016, с. 98].

Одним из наиболее важных направлений деятельности по снижению конфликтогенности трудовой миграции является снижение потоков нелегальных мигрантов. Незаконная миграция повышает уровень преступности на территории проживания мигрантов, не поддается учету и создает обширное проблемное поле [Дмитриев 2015, с. 22].

Заключение

Трудовая миграция является неоднозначным явлением, способным оказывать на принимающее общество и мигрантов как положительное влияние, так и отрицательное. Главная задача в вопросе урегулирования конфликтогенного потенциала трудовой миграции заключается в стимулировании конструктивных сторон явления и минимизации деструктивных.

В целях профилактики межнациональных конфликтов в ДФО необходимо реализовывать комплексную информационную кампанию, которая предусматривала бы поддержку медийных проектов, направленных на укрепление гражданского единства, создание специализированных рубрик и тематических передач на телевидении и радио, посвященных этнокультурным вопросам.

⁵Восток не резиновый. Мигрантов на Дальнем Востоке все больше, а контроля все меньше [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/other/42962616/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 30.01.2019).

Литература

- Аганбегян 2019 – Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–187. DOI: 10.14530/se
- Дмитриев 2015 – Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // *Социологическая наука и социальная практика*. 2015. № 1 (9). С. 16–29.
- Леденева 2020 – Леденева В.Ю. Трансформация миграционных процессов в субъектах Уральского федерального округа и их влияние на демографическую и этнокультурную безопасность региона [Электронный ресурс] // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020. № 10 (4). С. 125–130. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-4-125-130> (дата обращения 15.04.2020).
- Рыбальченко 2016 – Рыбальченко С.И. Концепция демографической политики Дальнего Востока до 2030 года: социология, прогнозы, управление: Материалы VI Социологической Грушинской конференции. 16–17 марта 2016 года. ВЦИОМ.
- Хайкин, Бережкова 2016 – Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016. № 5 (135). С. 96–109.

References

- Aganbegyan, A.G. (2019), “Razvitie Dal'nego Vostoka: nacional'naya programma v kontekste nacional'nyh proektov” [Development of the Far East: a national program in the context of national projects], *Spatial Economics*, vol. 15, no. 3, pp. 165–187, doi: 10.14530/se
- Dmitriev, A.V. (2015), “Konfliktogennost' migracii: teoreticheskie i prakticheskie problem” [Conflict potential of migration: theoretical and practical problems], *Sociological science and social practice*, no. 1 (9), pp. 16–29.
- Ledeneva, V.Yu. (2020), “Transformaciya migracionnyh processov v sub'ektah Ural'skogo federal'nogo okruga i ih vliyanie na demograficheskuyu i etnokul'turnuyu bezopasnost' regiona” [Transformation of migration processes in the subjects of the Ural Federal District and their impact on the demographic and ethnocultural security of the region], *Humanitarian sciences. Financial University Bulletin*, no. 10 (4), pp. 125–130, available at: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-4-125-130> (accessed 15.04.2020).
- Rybalchenko, S.I. (2016), “Rybal'chenko S.I. Konceptiya demograficheskoy politiki Dal'nego Vostoka do 2030 goda: sociologiya, prognozy, upravlenie” [The concept of demographic policy of the Far East until 2030: sociology, forecasts, management], *Materials of the VI Sociological Grushinsky conference on March 16–17, VTsIOM, Moscow, Russia*.
- Khaikin, S.R., Berezhkova, S.B. (2016), “Sociologicheskij monitoring mezhnacional'nyh i mezhkonfessional'nyh otnoshenij Federal'nogo agentstva po delam nacional'nostej” [Sociological monitoring of interethnic and interfaith relations of the Federal Agency for Nationalities Affairs], *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 5 (135), pp. 96–109.

Информация об авторе

Виктория Ю. Леденева, доктор социологических наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1, vy.ledeneva@yandex.ru

Information about the author

Victoria Yu. Ledeneva, Dr. of Sci. (Sociology), Institute of Demographic Research, FCTAS RAS, Moscow, Russia; build. 6/1, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; vy.ledeneva@yandex.ru

УДК 316.4

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-91-99

Отношение к мигрантам
в контексте состояния межнациональных отношений

Екатерина С. Мельничук

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
katkat@mail.ru.*

Аннотация. Статья посвящена отношению принимающего сообщества (россиян) к прибывшим на работу иностранным гражданам, социальной напряженности, возникающей в процессе социализации мигрантов и рассмотрению некоторых аспектов социальной и культурной адаптации иностранных граждан и их интеграции в российском социуме. Автор отмечает, что лояльное отношение к мигрантам и их успешная адаптация и интеграция возможны благодаря комплексному подходу к решению этой проблемы путем выстраивания многоуровневой системы адаптации и интеграции иностранных граждан параллельно с деятельностью по снижению уровня нелегальной миграции и работой органов власти начиная уже в стране исхода.

Ключевые слова: мигрант, миграция, адаптация, интеграция, отношение к мигрантам, социальная напряженность

Для цитирования: Мельничук Е.С. Отношение к мигрантам в контексте состояния межнациональных отношений // Вопросы этнополитики. 2020. № 3. С. 91–99. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-91-99

Attitude to migrants in the context
of the state of interethnic relations

Ekaterina S. Melnichuk

*Russian presidential Academy of national economy
and public administration under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia, katkat@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the attitude of the host community (Russians) to foreign citizens who have arrived for work, the social tension that arises in the process of socialization of migrants and the consideration of some aspects of social and cultural adaptation of foreign citizens and their integration in Russian society. The author notes that a loyal attitude to migrants and their successful adaptation and integration are possible thanks to a comprehensive approach to solving this problem by building a multi-level system of adaptation and integration of foreign citizens in parallel with activities to reduce the level of illegal migration and the work of authorities starting in the country of origin.

© Мельничук Е.С., 2020

Keywords: migrant, migration, adaptation, integration, attitude to migrants, social tension

For citation: Melnichuk, E.S. (2020), "Attitude to migrants in the context of the state of interethnic relations", *Issues of Ethnopolitics*, no. 3, pp. 91–99, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-91-99

Проблемы миграции и миграционной политики занимают значимое место в обсуждениях последних десятилетий в России.

В настоящее время вопросы государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации на федеральном уровне сформулированы в ряде документов стратегического планирования и программирования: Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., Государственной программе Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 1532, Плана мероприятий по реализации в 2020–2022 гг. Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг., утвержденном распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 мая 2020 г. № 1452-р.

Значительная доля прибывающих с целью осуществления трудовой деятельности иностранцев имеет низкий уровень образования, многие не владеют русским языком, а часть приехавших иностранных граждан игнорирует сложившиеся традиции и принятые нормы поведения в России. Некоторые из них являются адептами радикальных религиозных течений.

Эти обстоятельства формируют условия для негативного восприятия мигрантов принимающим сообществом.

По результатам опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2016 г., проблемы миграции – на последних местах в списке проблем, важных для страны¹. Тем не менее, во-первых, большинство респондентов (53%) полагают, что численность иностранных граждан, приехавших с целью работы, велика и озабочены ростом их числа в регионе своего проживания.

Во-вторых, этническая напряженность, при которой иностранные граждане воспринимаются как носители угрозы социальной, культурной, этнической безопасности, переменчива, зависит от ситуации, от нагнетаемого средствами массовой информации информационного поля и ограничена определенными условиями.

В-третьих, восприятие миграционной ситуации и отношение к мигрантам тесно связано с ксенофобией. На протяжении последних

¹ Мигранты в России: эффекты присутствия // ВЦИОМ. 2016. 29 мая 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=473>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 05.05.2020).

десятилетий ксенофобские настроения направлены преимущественно на представителей мигрантских меньшинств. Всплеск социальной напряженности, связанной с приездом иностранных граждан в регионы, способен серьезно осложнить социально-политическую обстановку, особенно на региональном и локальном уровнях².

По данным социологического исследования, проведенного 29 ноября 2016 г. ВЦИОМ «Мигранты в России: эффекты присутствия», подавляющее большинство респондентов (90% и более, кто считает данную проблему «очень важной» и «важной») озабочены качеством жизни – своей безопасностью, качеством здравоохранения, образования, равенством перед законом, низким уровнем жизни значительной части населения. Более 80% респондентов выказывают тревогу в отношении перспектив социально-экономического развития – состояния экономики, безработицы, произвола чиновников, коррупции, а также беспокоятся о завтрашнем дне.

Реальная численность иностранных граждан, находящихся на территории России, за последний год сократилась, этому способствовали санитарно-эпидемиологическая обстановка, связанная с распространением коронавирусной инфекции, и ограничения на въезд/выезд в Российскую Федерацию. Определенное привыкание к присутствию иностранных граждан в своем регионе снизило социальную напряженность местного населения, во многом формируемую СМИ.

Наиболее обеспокоены присутствием большого числа иностранных граждан и ростом их численности в своем населенном пункте жители крупнейших городов – экономически привлекательных для мигрантов – респонденты Центрального, Северо-Западного, Уральского и Дальневосточного федеральных округов (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Иркутская, Калужская, Ленинградская, Московская, Тульская, Челябинская области, Хабаровский край). Это те относительно благополучные регионы, где есть рабочие места, достаточно высокий уровень жизни, куда преимущественно и направляются иностранные граждане, желающие трудоустроиться в России.

Рост численности мигрантов особенно настораживает наименее обеспеченные круги населения – тех, кто может реально конкурировать с мигрантами на рынке и кто скорее проигрывает, чем выигрывает от их присутствия. (Выигрывают от присутствия трудовых мигрантов наиболее обеспеченные слои населения, которые не конкурируют с мигрантами за рабочие места и для которых вследствие присутствия мигрантов на рынке труда снижается стоимость потребляемых товаров и услуг.) Прослеживается четкая тенденция: с ростом доходов населения озабоченность проблемами миграции снижается.

²Националисты оттолкнулись от дна? Публичная активность ультраправых групп. Лето-осень 2019 года // СОВА. 28.12.2019. С. 14 [Электронный ресурс]. URL: <http://racism-xenophobia/publications/2019/12/d41899/>, <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2019/12/d41899/>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 24.04.2020).

По данным социологического исследования состояния межнациональных отношений, проведенного ВЦИОМ для Федерального агентства по делам национальностей в 2019–2020 гг., подавляющее большинство опрошенных оценили состояние межнациональных отношений в своем населенном пункте позитивно: 20,6% респондентов считают их доброжелательными, 60,4% – нормальными, бесконфликтными, напряженными – 12,0%, конфликтными, способными перейти в открытые столкновения – 2,1% и 4,8% – затруднились с ответом. Похожие данные были получены в ходе предыдущих наблюдений в регионах с поправкой на то, что в последних использовалась пятибалльная шкала и значительная часть ответов сконцентрировалась в нейтральной оценке³.

При этом сами иностранные граждане в опрошенных регионах обследований повсеместно оценивали состояние межнациональных отношений значительно оптимистичней, чем местное население.

Чем больше, по оценкам респондентов, мигрантов, тем они более критически оценивают ситуацию в области межнациональных конфликтов и чаще допускают вероятность серьезных конфликтов на межнациональной почве.

Важно понимать, что миграционные потоки изменяют этнический баланс в отдельных регионах, обостряют межнациональные отношения, что приводит и к открытым формам выражения протеста коренным населением. Экспертами выделяется ряд субъектов, несущих повышенную миграционную нагрузку. К ним относятся крупные экономические центры с диверсифицированными рынками труда, обеспечивающими относительно высокий уровень заработной платы.

Необходимо отметить, что чувство неприязни к приезжающим в регион иностранным гражданам чаще высказывают те, кто более негативно оценивает положение дел в своем населенном пункте и особенно обстановку в своем субъекте Федерации, а также положение дел в стране. Они более обостренно, чем другие респонденты, обеспокоены всеми теми проблемами, которые важны для страны. Особенно их тревожит социально-экономическая ситуация, что обусловлено их неудовлетворительным материальным положением: к тем, кто оценивает свое материальное положение как очень хорошее или хорошее, с той или иной степенью неприязни к трудовым мигрантам, относятся 14,5% респондентов, к оценивающим материальное

³Объем выборочной совокупности составил 2000 человек. Репрезентативная выборка строилась на основании данных Росстата (переписи населения за 2010 год) и включает в себя 200 кластеров (точек отбора). Выборка является многоступенчатой стратифицированной и случайной с элементом целенаправленного отбора. В результате выборка репрезентирует не только население в целом, но и основные национальные группы, представленные в отобранных кластерах и Российской Федерации в целом (опрос проходил в г. Москве, Ставропольском крае, Республиках Башкортостан и Карелия, Астраханской, Калининградской, Московской областях, Ханты-Мансийском автономном округе).

положение как среднее – 18,7%, а к считающим свое материальное положение плохим или очень плохим относятся 30,7% опрошенных.

Материальное положение является весьма значимым фактором формирования негативных установок по отношению к приезжим. Исследования показывают, что ксенофобские и антимигрантские настроения чаще выказывают люди, болезненно воспринимающие себя в социальном окружении, недовольные всем: работой, доходами, своим положением в обществе и т. д. Для людей определенного психологического склада, сталкивающихся с проблемами социализации, нетерпимость к представителям этнических, мигрантских, иных меньшинств – следствие их неустойчивости к фрустрации [Мукомель 2017б, с. 53].

Таблица 1

Позитивное/негативное отношение к мигрантам
в зависимости от ксенофобских настроений, % опрошенных

Ответы на вопрос: «А Вы лично испытываете или не испытываете неприязнь по отношению к представителям какой- либо национальности?»	«Вы лично испытываете или не испытываете неприязнь к трудовым мигрантам?» [приехавшим из других стран]				
	Безусловно испытываю	Скорее испытываю	Скорее не испытываю	Безусловно не испытываю	Загрудняюсь ответить
Безусловно испытываю	51,0	11,8	13,7	23,5	0,0
Скорее испытываю	17,8	45,4	22,7	12,3	1,8
Скорее не испытываю	4,5	15,6	50,0	17,6	3,2
Безусловно не испытываю	3,7	7,9	32,9	53,1	2,4

В то же время россияне стесняются признаваться в ксенофобских настроениях, тогда как признание в антимигрантских настроениях не осуждается общественным мнением: признаются в открытой неприязни к представителям тех или иных национальностей («безусловно испытывают неприязнь») лишь 2,5% респондентов, тогда как в неприязни к трудовым мигрантам – 6,4%. Можно сделать вывод о том, что неприятие массового притока иностранных граждан поддерживается всеми слоями российского общества.

Как отмечалось ранее, во всех репрезентативных российских опросах 1990–2000-х гг. сложилась следующая иерархия отторжения этнических групп: северокавказцы, выходцы из Закавказья, выходцы из Средней и Юго-Восточной Азии [Мукомель 2017а, с. 171–172].

Как показал опрос ВЦИОМ конца 2018 г., уже многие годы мигрантофобии направлены, в первую очередь, на мигрантов из среднеазиатских государств, в ответах граждан на вопрос: «везд в Россию представителей каких стран является НЕжелательным?»,

на первых двух местах – представители Таджикистана и Узбекистана, на третьем – Украины, на четвертом – США, на пятом – Китая; выходы из Киргизии – на девятом месте.

Необходимо отметить, что в условиях неблагоприятной демографической ситуации в Российской Федерации трудовая миграция является источником компенсации дефицита трудовых ресурсов.

Отсутствие эффективных механизмов социальной и культурной адаптации и интеграции, неправовой характер взаимоотношений с работодателями, антисанитарные условия проживания способствуют пространственной сегрегации, а в дальнейшем – анклавизации, криминализации как национальных диаспор, так и отдельных отраслей экономики, продвижению экстремистских идей.

Члены семей мигрантов, в первую очередь дети, оказываются в трудной жизненной ситуации, способствующей их дезадаптации, что наиболее остро проявляется для второго поколения, изначально оторванного от родины.

Осознание важности миграции для страны временами превалирует над личным отношением к мигрантам: часть респондентов, даже категорически не приемлющих мигрантов, тем не менее, готовы признать, что мигранты России нужны – в качестве либо временных работников (эту точку зрения высказали 6,3% респондентов), либо потенциальных граждан (такую позицию поддерживают 15,6% респондентов), либо и тех и других (поддержка 5,5% опрошенных). Менее категоричные респонденты, признающиеся в неприязни к мигрантам, более благосклонны их принимать в том или ином качестве.

Таблица 2

Необходимость России в мигрантах в оценках респондентов, признающихся в неприязни к мигрантам, % опрошенных

Распределение ответов на вопрос: «Какая из точек зрения Вам ближе?»	Безусловно испытывающие неприязнь к трудовым мигрантам	Скорее испытывающие неприязнь к трудовым мигрантам
Нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться жить здесь навсегда	15,6	15,6
Стране нужны только те мигранты, которые приезжают только на заработки и не хотят здесь жить постоянно	6,3	11,9
Стране нужны и те и другие мигранты	5,5	10,7
Стране не нужны ни те, ни другие мигранты	69,5	51,9
Затрудняюсь ответить	3,0	10,0
Итого	100,0	100,0

Важно обратить внимание на тот факт, что, во-первых, наиболее негативно к перспективам притока мигрантов относятся жители сел и поселков городского типа – поселений, жители которых существенно реже сталкиваются с мигрантами, чем население больших городов, являющихся центром притяжения мигрантов. (Исключением являются пригороды, в которых мигранты часто селятся из-за дешевизны жилья.) Во-вторых, население столиц, отдающее должное работе мигрантов в отдельных сферах жизнедеятельности мегаполисов, более лояльно относится к временной миграции, одновременно отвергая миграцию на постоянное проживание. В-третьих, мигрантофобии более выражены у мужчин, чем у женщин. В-четвертых, наиболее благосклонна к мигрантам молодежь до 20 лет. В-пятых, позитивное отношение к мигрантам тесно коррелирует с образованием респондентов [Мукомель 2017а, с. 187].

Социальная напряженность сказывается на отношении к приезжающим иностранным гражданам и становится препятствием для социальной и культурной адаптации иностранных граждан и их интеграции в российское общество. Исследования показывают, что вероятность конфликтов на этнической и/или конфессиональной почве зависит как от внешних факторов, определяемых социальной средой, так и от факторов, определяющих групповое и личное поведение представителей местных жителей и самих приезжих. Возникающие на бытовой почве конфликты часто приобретают этноконфессиональную окраску в результате действия внешних сил в условиях недостатка объективной информации и неэффективных действий властей, местных сообществ, общественных организаций. Сегодня одной из наиболее проблемных групп являются мигранты, селящиеся в самых дешевых неблагополучных районах, где доля местных жителей, принадлежащих к малообеспеченным слоям, высока.

Кроме того, для принимающего сообщества такое соседство создает ряд неудобств: уменьшается привлекательность микрорайона, заселенного исключительно иностранными гражданами определенной национальности (места их компактного поселения, например, деревня Клишино Тульской области – «киргизский» поселок Ала-Тоо), обесценивается недвижимость, ухудшается качество дошкольного и школьного образования в связи с появлением в группах (классах) детей-инофонов, требующих особого внимания со стороны педагогов.

Изменение общей ситуации в области адаптации и интеграции иностранных трудовых мигрантов в Российской Федерации, и в отдельных регионах в частности, возможно благодаря комплексному подходу к решению этой проблемы параллельно с деятельностью в направлении снижения уровня нелегальной миграции.

С учетом того, что социокультурная интеграция представляет собой форму кросс-культурного взаимодействия, при котором приезжающие иностранные граждане, сохраняя свою культуру, одновременно проявляют терпимость к культурным ценностям других народов и частично усваивают их, целью адаптации их является формирование условий, при которых потребности конкретного индиви-

да этой категории будут соотноситься с потребностями социальной среды, в которой он находится.

Для более адекватного отражения ситуации обязательно следует учитывать объективные и субъективные факторы, влияющие на динамику адаптации и интеграции иностранных трудовых мигрантов в новую для них среду.

В то же время в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. указано, что создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами, является одной из задач миграционной политики. Исходя из этого выделены ее основные направления в области создания условий для адаптации иностранных граждан.

Планом мероприятий по реализации в 2019–2021 гг. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. предусмотрены проведение анализа и выработка предложений по созданию комплексной многоуровневой системы адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации (далее – Система).

При разработке Системы необходимо учитывать все составляющие миграционного процесса. Миграционный процесс начинается на родине мигранта, когда он принимает решение о переезде в другую страну, соответственно, самые первые адаптационные мероприятия должны быть направлены на доиммиграционную подготовку переселенца. Заканчивается миграционный процесс в принимающей стране, где необходимо продолжать адаптационные мероприятия, которые будут осуществляться органами государственной власти и местного самоуправления на территории вселения мигранта. Именно этому этапу стоит уделить наибольшее внимание, так как этап адаптации включает в себя первичную социализацию, бытовую и экономическую адаптацию и далее, при успешном освоении этих этапов, адаптация мигранта продолжается уже в комфортных условиях.

В России механизм доиммиграционной подготовки до сих пор не разработан. Анализ накопленного опыта и текущей деятельности по организованной международной трудовой миграции показывает, что в настоящее время отсутствуют эффективные формы работы как в части поиска и подбора востребованных специалистов из числа иностранных граждан, их профессиональной подготовки и аттестации, так и в части реализации процессов привлечения этих работников в организованной форме, что предполагает наличие планового порядка работы и жесткой ответственности сторон за качество своей деятельности.

Однако комплексный подход предполагает разработку мероприятий не только по адаптации, но и по интеграции иностранных граждан. Те мигранты, которые мотивированы остаться на территории Российской Федерации и оформиться как долгосрочные мигранты, получив необходимые для этого документы, должны быть включены

в интеграционные мероприятия, разработанные органами власти федерального, регионального и муниципального уровня.

Необходимо понимать, что условия благоприятного социального развития и высокий уровень межэтнической толерантности могут способствовать укреплению общероссийского гражданского единства.

Литература

- Мукомель 2017а – *Мукомель В.И.* Ксенофобия: этнофобии и мигрантофобии принимающего населения // Социальные факторы межэтнической напряженности в России: Монография / [М.Ф. Черныш и др.]; отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 336 с.
- Мукомель 2017б – *Мукомель В.И.* Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. № 1.

References

- Mukomel, V.I. (2017), "Xenophobes and their antipodes: who are they?" *Mir Rossii*, 2017, no. 1.
- Mukomel, V.I. (2017), *Xenophobia: ethnophobia and migrant phobia of the host population, Social factors of interethnic tension in Russia: Monograph*, [M.F. Chernysh et al.]; Yu.B. Epikhin, M.F. Chernysh (ed.), FNISTC RAS, Moscow, Russia, 336 p.

Информация об авторе

Екатерина С. Мельничук, кандидат социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1; katkat@mail.ru

Information about the author

Ekaterina S. Melnichuk, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian presidential Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia, 119571; katkat@mail.ru

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
Л.Г. Сулова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 28.06.2020.
Формат 70×100¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 5,9. Усл. печ. л. 8,1.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1042

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru